

ПРОБУЖДЕНИЕ PROBUZDZENie

«Свобода
неделима.
Нельзя урезать часть,
не убив целое».
М. Бакунин.

Р 4-4
Рос 1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ РАБОЧИХ СОЮЗОВ БЕЗВЛАСТНИКОВ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

PROBUZHDENIE

69-199 9219 RUSSELL STREET

DETROIT, MICH.

№ 64—65

НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ 1935 Г.

СОДЕРЖАНИЕ: Л. ЛИПОТКИН. «Единый фронт» и политика Сталина. — МАНС НЕТТЛАУ. П. Ж. Прудон. — САША-ПЕТР. Один из многих. — АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК. Кропоткин и Российская революция. (Статья вторая). — Э. МАЛАТЕСТА. Причины победы фашизма. — МИНСКИЙ МУЖИК. Профессиональное и кооперативное движение в Швеции. — И. Ф. Об объединении. — АЛЕКСАНДР ЧЕРНЯКОВ. Что такое анархическая социальная революция? Стихи, воззвания и другие сообщения.

„ЕДИНЫЙ ФРОНТ” И ПОЛИТИКА СТАЛИНА

За последнее время много говорят и пишут о так называемом «пролетарском едином фронте». Благодаря росту фашизма и возникновению итало-абиссинской войны, коммунисты снова забили тревогу о грозящей рабочим опасности. В этом особенно усердствует Коминтерн (коммунистический интернационал), который недавно выступил с новым наказом ко всем коммунистическим секциям возобновить работу вокруг «единого фронта.» И не проходит дня, например, чтобы коммунистическая партия в Америке не обращалась к Американской Федерации Труда, социалистической партии и другим рабочим организациям с призывом о совместной работе и борьбе против реакции, против фашизма, за социальное страхование безработных и т. д.

Но можно ли верить в честность и серьезность коммунистического призыва?

Можно ли верить в честность комму-

нистов, этих лживых друзей рабочего класса?

Нет сомнения, что вопрос о едином пролетарском фронте заслуживает самого серьезного отношения со стороны рабочего класса и всех искренних друзей рабочего дела вообще. Враждебные силы мировой буржуазии и реакции растут и увеличиваются, принимая формы организованного наступления на все завоевания рабочего класса. Это наступление в последние годы нашло свое яркое выражение в организованной капиталистическими державами Лиге Наций, созданной якобы для предотвращения войн, а на самом деле предназначенной для совместной организованной борьбы с мировым рабочим движением путем объединения всех буржуазно-капиталистических сил в один крепкий военный союз.

Вполне, поэтому, естественна и жизненна мысль — противопоставить такому на-

ступлению мировой буржуазии общий единый фронт мирового пролетариата, и каждый искренний сторонник рабочего дела мог бы только приветствовать идею объединения и употребить все усилия для ее скорейшего осуществления в жизни. Но, к несчастью, вокруг этого вопроса накопилось много политики в самом грязном и худшем смысле этого слова.

Ни для кого теперь уже не секрет, что Коминтерн создан всероссийской коммунистической партией в качестве центрального подсобного органа, предназначенного руководить работой коммунистических партий разных стран в целях повсеместного установления коммунистической диктатуры. Хотя в Коминтерне представлены коммунистические партии нескольких стран, но влияние в нем русской коммунистической партии является доминирующим и оно всегда больше влияния всех остальных партий, вместе взятых, ибо в Коминтерне сидит полновластный хозяин Сталин, щедрой рукой финансирующий бедные коммунистические партии в Европе и Америке.

Известно также, что после захвата власти большевики провозгласили «коммунизм» в России, который под их политическим руководством должен был, конечно, занять место капитализма. Но это был величайший обман с их стороны: под прикрытием лозунгов коммунизма и диктатуры пролетариата, они захватили все материальные ресурсы страны, которые помогли им укрепить свое государственное положение, и занялись делом, прямо противоположным коммунизму.

Их центральная задача в революции выражалась в захвате политической власти и огосударствлении всей хозяйственной жизни страны. Огосударствлялось все: промышленность, транспорт, торговля, образование, профессиональные и кооперативные организации рабочих и крестьян и т. д., и в результате рабочий класс и крестьянство оказались вновь поработанными экономически, политически и духовно одним всемогущим хозяином — государством, объявившим смертельную войну всем инакомыслящим рабочим, социалистам и анар-

хистам, впоследствии арестованным и разбросанным в настоящее время по ссылкам и тюрьмам необъятной страны. И если в России коммунисты в этом отношении достигли своей цели, то за границей им этого не удалось сделать: здесь рабочие не доверялись коммунистам, не верили их ложным обещаниям. Европейские и американские рабочие поняли, что коммунистическая свобода есть свобода диктаторов осуществлять повсеместно и до конца их диктаторскую власть, и они отвернулись от коммунистов.

Очутившись в затруднительном положении и видя слабое влияние коммунистической пропаганды за границей, в особенности после победы нацизма в Германии и укрепления фашизма в Италии, Сталин снова затрубил в коммунистический рожек о необходимости «единого фронта» рабочих, социалистов и коммунистов. Но не трудно понять, что за этим призывом скрыта хитрая политика Сталина, и как «мирового вождя», потерявшего ставку на мировую революцию, и как диктатора, наметившего генеральную линию деятельности всей коммунистической партии, руководителем которой он является.

Понятно, что Сталин и его защитники меньше всего беспокоятся о поражениях социалистов и уничтожении демократических свобод в диктаторских странах; можно даже сказать, что они до известной степени желали этого. Это именно они, коммунисты, своей диктаторской политикой помogli реакции и фашизму укрепиться в Европе. И это именно они, коммунисты, повинны в теперешнем хаосе европейских стран, стоящих на пороге новой войны.

Если бы политика Сталина действительно была бы направлена по линии объединения и защиты интересов рабочих, а не интересов господства коммунистической партии, то единый пролетарский фронт против мировой буржуазии имел бы несомненный успех. Но такой успех может быть достигнут только тогда, когда сталинское правительство откажется от политики преследования и репрессий и начнет на деле

MAX NETTLAU.

П. Ж. ПРУДОН (1809-1865)

Семьдесят лет тому назад, 19-го января 1865 года, умер Пьер-Жозеф Прудон, родившийся 15-го января 1809 года. Он был первым социалистом, который в течение двадцати пяти лет (1840—1865) стоял в центре внимания французской и

европейской публики. Его не могли заставить замолчать ни всеобщая ненависть буржуазии, ни враждебность, едва-ли менее сильная, всех авторитарных социалистов. Ибо уже в своей первой, широко распространенной, книге 1840 г. он объявил себя анархистом и единолично выступил на борьбу и против господствовавшей и наслаждавшейся жизнью буржуазии, и против кандидатов на ее место — социалистов, заграничных диктаторов. Интеллектуальная и моральная смелость были отличительными чертами его характера и его работы, хотя эти черты и были омрачены и ослаблены постигшими его позднее многими несчастьями. Когда болезнь и смерть заставили его умолкнуть, явился Бакунин и продолжал его работу.

Прудон был во всех отношениях продуктом своеобразных импульсов и влияний. Особенно сказались в нем старые крестьянские традиции и влияния старинной провинциальной автономии, а также учебы довольно устаревшего образца и самостоятельного изучения. Все это было так или иначе связано с живыми событиями социального и политического развития первых лет его жизни.

Этим объясняется то, что уже начи-

осуществлять единый фронт у себя на месте.

В интересах подлинной победы единого фронта сталинское правительство должно прежде всего сделать следующее: укрепить рабочих и крестьян; вернуть им право на свободную организацию и свободную защиту их правовых, экономических и духовных интересов; прекратить гонения на оппозиционные, социалистические и анархические течения; освободить из ссылки и тюрем всех борцов рабочего-крестьянского революционного движения и объявить в стране полную свободу слова, печати и организации. Тогда только вопрос единого фронта окажется на прочном

фундаменте и будет правильно решен, ибо иного пути для его разрешения нет и не может быть.

Но если этот путь не будет избран, если политика Сталина будет направлена, как и раньше, к преследованию инакомыслящих, к разрушению независимых рабочих организаций, к продолжению насильственной террористической диктатуры и т. д., то все искренние и свободомыслящие люди, все беспартийные рабочие, крестьяне и анархисты должны выставить общий объединенный фронт борьбы против господ коммунистов за полное освобождение труда от ига власти и диктатуры.

Л. ЛИПОТКИН.

ная со своих первых дней, он был независимым, индивидуалистически настроенным мыслителем и оставался таким до смерти. В силу этого он, естественно, лишен был возможности приобрести солидные научные знания. Об этом приходится пожалеть не потому, что он не приобрел определенного количества общепризнанного знания, а потому, что десятилетия его умственного развития и полного сознания, начиная с 30-х годов до 1860-х были годами, когда старая аристотелевская наука и резонерствующая наука 70-го и 18-го столетия превратилась в современную наблюдающую, анализирующую, экспериментальную науку, когда Аристотель, Линней и Бюффон были заменены Дарвином, Ламарком и плеядою инициаторов в столь многих других областях исследования.

Прудон не мог следить за этим развитием. Когда он попытался сделать шаг вперед, то ему пришлось исходить от своей собственной эмпирической философии и идти в направлении к Гегелю, так сильно повлиявшему на двух германских социалистов, которых он знал начиная с 1844 года — Карла Грюна и Карла Маркса. Прудон не одолел учения Гегеля и не преобразовал его (как это сделал Карл Маркс), он не преодолел его полностью, как это сделал еще раньше Бакунин. Всю свою жизнь он чувствовал себя уютнее всего в созданных им самим формах разсуждения, которые, при его здравом смысле, революционном такте и инстинкте, служили ему лучше, чем какая бы то ни было схоластическая метафизика.

Бакунин вел с Прудоном длинные дружеские споры. Один из этих споров, имевший место в 1847 году, стал легендарным: он продолжался всю ночь, так что друзья, простившиеся с ними вечером, нашли их на другое утро на том же самом месте все еще спорившими о тех-же великих вопросах метафизики и науки. В 1872 году он написал по поводу Прудона: «Прудон, несмотря на все свои попытки освободиться от традиций классического идеализма, оставался, тем не менее,

всю свою жизнь несправимым идеалистом, вдохновлявшимся, как я и сказал это ему за два месяца до его смерти (в ноябре 1864 г., в Париже), то Библией, то римским правом, и всегда был метафизиком до конца ногтей. Его великим несчастьем было то, что он никогда не изучал естественных наук и не усвоил метода этих наук.

У него были инстинкты гения, которые указывали ему правильную дорогу, но, увлекаемый дурными или идеалистическими привычками своего ума, он постоянно возвращался к своим старым ошибкам. Это сделало из Прудона постоянное противоречие: мощный гений, революционный мыслитель, постоянно борется против идеалистической фантастики и никак не может одержать окончательную победу над ней».

Бакунин совсем не был ученым, но он делал самые серьезные усилия, чтобы отделаться от метафизики, которая так сильно повлияла на его ум в период 1835-41 годов. Как раз в те годы (1844-45), когда он познакомился с Прудоном, ему это более или менее удалось. Позднее он познакомился с Карлом Фохом и другими пионерами материалистической науки, а затем, в шестидесятых годах, в Италии и Швейцарии, он возобновил эти знакомства, тогда как Прудон, поглощенный совсем другого рода занятиями и постоянной усиленной литературной работой, не имел таких возможностей. Это очень отразилось на его произведениях, которые кажутся странными нам, привыкшим к ясному современному мышлению Бакунина, Реклю, Малатесты, Кропоткина и других.

Я думаю, однако, что именно эта философская отсталость сделала голос Прудона столь влиятельным среди его современников. Подобно столь многим в наши дни, современники Прудона были еще более отсталыми в этом отношении, чем он. Язык современной науки был совершенно недоступен и, в силу предразсудка, просто ненавистен. Ученые подрывали основы религиозных предразсудков, и все же они были просто неспособны и не ра-

сположены следовать за научной мыслью.

На протяжении нескольких десятилетий, наука находилась в состоянии относительного покоя, который она использовала для того, чтобы развиться и развернуться. Прудон уловил их идеи и предразсудки в процессе прямой борьбы с ними. Именно поэтому он оказался в центре общественного внимания и в самой гуще прямой борьбы. В своих «Экономических противоречиях» 1846 года он обращается к Богу со следующими словами: «Духовный обманщик, — сказал бы я ему, — глупый Бог, твое царство окончилось, ищи себе новых жертв среди зверей. Я знаю, что я не святой и что никогда не смогу быть святым, но как же ты можешь быть святым, если я сравню себя с тобой. Вечный отец, Юпитер или Иегова, мы научились понимать Тебя, Ты был, есть и будешь завистником Адама; Ты был и есть и всегда будешь тираном Прометея. Ошибки, о прощении которых мы молим, Ты сам заставляешь нас совершать, а заградни, от которых мы просим избавить нас, уготовлены Тобою же, и сатана, который нас искушает, это и есть Ты сам... Но теперь Ты свергнут с трона. Твое имя, которое в течение столь долгого времени было последним словом ученых, оправданием судьи, силою властителя, надеждою бедных, убежищем раскаявшихся преступников, Твое имя теперь предано презрению и анафеме и станет предметом насмешки среди людей. Ибо Бог — это глупость и трусость; Бог — это лицемерие и ложь; Бог — есть тирания и нищета; Бог есть зло... «Если кто-нибудь заслужил ада, то это — сам Бог»... Те, для кого Бог есть живая реальность, воспринимает такие рассуждения легче, чем научные факты.

Прудон защищал свободу человека, которая стала бы навсегда невозможной, если бы высшая власть продолжала оставаться в руках Бога, совершенно так же, как она была бы невозможна, если бы высшая власть оставалась в руках царя или других представителей светской власти.

В Прудоне было много такой простой и резкой прямоты подхода, — такой же прямоты, какую мы находим позднее в замечаниях Толстого о государстве и правительстве. Именно это сделало произведение Прудона во многих случаях столь доступным пониманию читателей из народа. Впрочем, не всегда было так, ибо Прудон часто сам терялся в рассуждениях высокого полета, лишенных или почти лишенных реалистической основы.

Социологические и исторические материалы, находившиеся в его распоряжении почти столетие тому назад, часто бывали недостаточными и случайными, и даже его гений не в состоянии был проверить их и надлежаще истолковать их во всех случаях. Но, повторяю, многие из его современников знали не больше его и даже гораздо меньше его, и потому он был гораздо более понятен им, чем он теперь понятен нам. Для того, чтобы выяснить, какая часть его трудов имеет постоянную ценность и какая обязана была своим значением лишь временным условиям, потребовалось бы историческое исследование. Это обстоятельство ведет к тому, что даже его лучшие произведения, будучи перепечатаны или переведены, становятся трудными для понимания не по вине их автора.

Ибо его задачей было наносить мощные удары в ту эпоху, когда он жил, бороться с кумирами его времени, и эту задачу он осуществил лучше, чем какой бы то ни было социалист до и после него. Он был участником всеобщей борьбы идей между человеком и человеком, независимо от классов и революции. Я этим хочу сказать, что человечество прислушивалось к нему так, как после него оно прислушивалось только к Толстому в течение некоторого времени, в последние годы его жизни. Это делает его памятным и почти единственным до тех пор, пока не придут времена, когда жизненные вопросы человечества опять станут искренно обсуждаться всеми, а не будет только одностороннее утверждаться и провозглашаться разнородным хором, как это произошло после эпохи Прудона.

Чтобы понять Прудона лучше, нужно рассмотреть первые 31 год его жизни (1809—1840), бывшие периодом медленности и постоянного созревания его мысли, как она развернулась в его знаменитой книге 1840 г. — «Что такое собственность?». Пыскания о принципе права и управления». Во время работы над этой книгой он написал другу (22-го февраля 1840): ... «Я пишу дьявольскую книгу, которая пугает меня самого. Я выйду из этого сверкающим, как ангел, или закопченным, как дьявол. Молись Богу за меня»... В этом произведении он дал памятную формулу «Собственность есть кража» и написал: «Я анархист; хотя я и большой друг порядка, все же я анархист в полном смысле этого слова» и: «Анархия, отсутствие хозяина, повелителя, такова форма правительства, к которой мы приближаемся все более и более с каждым днем»... Его ранняя жизнь, которая привела его к такого рода убеждениям на основе его собственного внутреннего опыта — ибо он не был ничьим учеником — представляет значительный интерес. Мы имеем тщательное исследование этого предмета в маленькой книжке «Молодость Прудона», написанной проф. Д. Галеви (1912). Эта книжка является моим главным источником для этого краткого очерка. В общем, многое в жизни Прудона доступно нам благодаря его интимным письмам к друзьям, а также благодаря заметкам и записям, и, наконец, благодаря воспоминаниям о ранних годах его жизни, разсыпанным в его самом большом произведении, — «О справедливости в революции и в церкви» (1858).

Галеви описывает Прудона, как типичного представителя «Старой народной Франции ремесленников и деревенских жителей»... «Они отличаются живостью и серьезностью, грубостью и добродушием, быстротой суждения и непоколебимостью веры». Сам он писал: «Я родился в Безансоне 15-го января 1809 года. Я сын Клода - Франсуа Прудона, бочара, пивовара, уроженца Шаснава, близ Контарна, в департаменте Дуб, и Катерины Симо-

нен... (того же департамента). Мои предки с отцовской и с материнской стороны все были свободными земледельцами, освобожденными от барщины и повинности с незапамятных времен». И далее: «Семья Прудонов была не менее замечательна, чем семья Симоненов, по своему гордому, энергическому и отважному характеру».

В таких выражениях Прудон превознес эту лесную страну, находящуюся на французской стороне Юрских гор, вдоль Швейцарской границы, и производившую крепкую расу лесников, угольщиков, контрабандистов, а нередко и бунтарей и заговорщиков. Даже корбонарии заимствовали свой ритуал от этих угольщиков, живших в лесах и изстари связанных между собою многими тайными связями.

Дедушка Прудона со стороны матери принимал участие во многих войнах 18-го века в качестве солдата. Позднее, будучи уже свободным крестьянином, он набрал как-то дров в заповедном лесу владельцев усадьбы и убил лесничего в рукопашном бою. В этой схватке он вел себя так честно, что умиравший лесничий не донес на него, а заявил лишь, что он, лесничий, лишь получил то, что заслужил. Этот честный человек умер в 1789 году, а мать Прудона, бедная девушка, которая вынуждена была наниматься на работу, была страстной сторонницей французской революции, которая для населения тех далеких местностей означала: война попом, война крупным помещикам и феодалам. Молодой Прудон в первые годы своей жизни успел познакомиться с местными традициями революции, о которой только и говорили повсюду.

Его отец поселился в демократическом предместьи старого города Безансона, он выделял вино, продавал его и делал бочки, работал на винограднике и в лесу. Таким образом, ребенок рос в местности, где городская жизнь соприкасалась с деревенской жизнью. В том же старом городе жили представители более богатой ветви Прудонов, из которых выходили буржуа, из среды которой вышел также хорошо известный уже и в те времена автори-

тственный законовед Франсуа-Виктор Прудон. Эти богатые Прудоны дружелюбно отнеслись к бедной ветви той же семьи, но представители последней были слишком горды, чтобы поддерживать общение с богатыми родственниками.

Отец Прудона начал варить пиво и вздумал продавать его по себестоимости (материалы и работа), считая, что этого требует добросовестность, но разорял себя путем этой продажи по дешевой цене. В этом отношении он был бессознательным подражателем системы, которую руководился в своем предприятии Джозия Воррен. Самый ютиозлизм Прудона (прямой обмен по себестоимости), может быть, был выведен из этого опыта; насколько я знаю, между ними можно установить некоторое сходство.

Молодой Прудон служил на побегушках, но, в то же время, много работал и на ферме. «...До двенадцатилетнего возраста моя жизнь почти целиком прошла на полях в легкой деревенской работе и уходе за коровами. Я пас коров в течение пяти лет». Прудон с восторгом описывает (1858) свои долгие дни одиночества на полях среди живописной природы. Он чутко наблюдал все явления жизни природы и готовил себе пищу из мяса животных и из трав, которые ему удавалось найти. Он кушался, лазил на деревья, присматривался ко всему. Все то, что он слышал из народных сказок о нимфах и феях, было для него в то время действительностью. Также на веру принимал он и религиозные утверждения, так как он ничего лучшего не знал и не умел относиться к ним критически. Прудоны приняли религию как факт в таких условиях, но они не согласны были допустить вмешательство священников и держали их на расстоянии от себя. Прудон вспоминал о разеудительном крестьянине, который на местном наречии говорил: «Бог, это солнце», и который собирал для своих поез помет скота с пустых уницх в то время, когда все остальные члены коммуны были в церкви.

При всем этом, родители Прудона за-

ставили его начать учиться читать на третьем году его жизни. На седьмом году он уже умел писать, а в 11 лет, благодаря усилиям матери, был принят в лицей Безансона, где он был единственным мальчиком, явившимся в сабо (деревянные башмаки) и без шапки. Но Прудон гордился этим, был одним из лучших и приобрел значительные познания в латыни, математика же его не интересовала. В 14 лет, книга Фенелона «Доказательство существования Бога» (1713), которую он получил в награду, познакомила его с философским мышлением. «С тех пор, писал он, я стал метафизиком». Повидимому, сложные доказательства существования Бога показались ему слабыми, доказательства противного, (возможно, что он познаникомился с ними из той же книги) также не произвели на него впечатления. «Начиная с того времени, я стал думать, что нужно идти другим путем для того, чтобы сделать философию наукой, и я никогда не менял этого убеждения, сложившегося у меня в ранней юности» (1858). Это именно то, что сказал Бакунин, как показывает приведенная выше цитата. Философия никогда не может стать наукой, ибо не имеет реального основания и, подобно теологии, мифологии и космогонии, является лишь индивидуальным истолкованием (которое часто воспринимается коллективно) явлений космоса и догадкой об их возможном происхождении и значении.

Так как семья Прудона все более разорялась, то в возрасте 19 лет он стал учеником - печатником. Здесь, благодаря полученным в лицее знаниям грамматики и латинского языка, он вскоре стал корректором, главным образом корректором латинских книг, которые все носили религиозный характер. Таким путем он познакомился с главными и с менее значительными работами по христианству. Он еще не научился критиковать эти идеи и охотно воспринимал их. Он не заметил готовности христианства мириться с несправедливостью на земле. Его не удовлетворяло обещание, что полная справед-

ливость будет воздана Богом на небе. Он думал, что бедность очень легко может быть устранена путем прямого и добросовестного обмена продуктами и услугами, тогда как Церковь провозглашает, что люди не могут жить без бедности и преступления.

В 1829 году он обратил на себя внимание молодого студента, изучавшего языки в Париже и бывшего автором примечаний к книге, латинский язык которой был исправлен Прудоном. Он происходил из Монбельяра. Его имя было Густав Фалло. Он был земляком Прудона. Молодой студент вызвал в Прудоне интерес к языкам, и Прудон изучил древне-еврейский язык. Он познакомился с книгой аббата Плюэ, представлявшей собою словарь всех религиозных ересей. Книга заинтересовала Прудона. Он стал изучать все эти верования и многие из них произвели на него сильное впечатление. Затем великое произведение Шарля Фурье было напечатано в его типографии и прошло через его руки. Оно вызвало много споров между ним и другими наборщиками.

Эта книга называлась «Новый промышленный и сосетаный мир» (1829, 1830; XVI, 664 стр.). Фурье был родом из Безансона, подобно Виктору Гюго. Идеи Фурье овладели Прудоном на несколько недель, по некоторым известиям, но он их не усвоил, так как не верил, что характер человека можно легко изменить, как это предполагал Фурье.

Прудон верил в интеллект, в возможность экономического переустройства и дальнейших перемен, но, повидимому, он меньше верил или вовсе не верил в эволюцию чувств и нравственности. Это объясняется, пожалуй, наличием крестьянского элемента в его характере: большую подвижностью и впечатлительностью городских жителей он не отличался. Галеви все-же считает, что Фурье оказал на него влияние: «Представление о механическом и почти ньютоновском (устроенном подобно орбитам звезд) порядке человеческих обществ, прочно было им усвоено, и

признаки этого можно заметить даже в самых последних его произведениях.

Либертарная страсть в нем никогда не ослабевала: это, по правде говоря, объясняется менее влиянием Фурье, чем наследственностью, полученною от горных жителей Франши Контэ (местность во Франции), общею обоим революционерам».

Мне кажется, что в то время Прудон уже видел во всех подробностях насывшую проникнутую социальным и гуманитарным чувством книгу, в которой должна была найти себе выражение его независимая мысль, высоко поднимавшаяся над жалкой апологической, теологической и всякой иной вульгарной литературе. Безансонские печатники, у которых работал Прудон, печатали такую литературу для усиления католической пропаганды.

Возможно, что Прудон мечтал написать произведение такого же масштаба, как и книга Фурье, и что к этому он стремился больше, чем к вступлению непосредственно в передовые республиканские и социальные движения, ведшие борьбу до и после парижской революции в июле 1830 года, которая открыла собой эру блестящих революционных надежд, усилий, борьбы и интеллектуальной подвижности, но вместе с тем, и эру усиления буржуазной эксплуатации, развязанной антагонистическими консервативными правительствами, как это было в период 1815—30 годов. Он поддерживал оживленную переписку с Фалло, парижским лингвистом, вполне признавшим способности Прудона и старавшимся дать им применение.

Сохранилось почти пророческое письмо этого молодого человека, (он умер в 1836 г.) от декабря 1831 г. Он писал: «...Вот мое предсказание: Вы, Прудон, вопреки Вам самим, неизбежно, волею судьбы, будете писателем, автором; Вы будете философом; Вы будете одним из светочей этой страны, и Ваше имя будет занесено в летопись 19-го столетия, подобно тому, как занесены были Гассенди, Декарт, Мальбранш, Бэкон в летопись 17-го века, а Дидро, Монтескье, Гельвеций, Локк, Юм,

Гольбах — в летопись 18-го века. Такова будет Ваша судьба... Он хотел, чтобы Прудон учился в университете. В годы кризиса (1831—32) у Прудона было очень мало работы в безансонских типографиях. Он отправился пешком в Париж (1832), где Фалло разделил с ним свою комнату и свою бедность. Прудон посещал библиотеки, но не чувствовал влечения к передовым движениям, которые его мрачному и критическому уму, при всей их жизнерадостности, казались недостаточно подготовленными.

Возможно, что он мечтал о действительно серьезной борьбе, но, как и другие, не видел действительно серьезных сил за блестящей внешностью. По крайней мере, впоследствии он записал забавные воспоминания такого рода: ...«Видя, что существующие власти были неспособны или преступны, я спрашивал, существовали ли общества мстителей за все эти издевательства. Я хотел в то время выступить и выступил бы, если бы нашел начальника, сотрудников, братьев для уничтожения изменников, эксплуататоров и лицемеров. Жажда справедливости пожирала меня в том счастливом возрасте с его рыцарскими чувствами».

Прудон справлялся, что именно все эти легальные и нелегальные общества делали для общего блага. В воображаемой беседе (быть может, с Фалло) он осведомляется: из 9 миллионов взрослых людей сколько можно насчитать действительно честных людей? Пять процентов, т. е. 450 тысяч человек. Сколько среди них наберется действительно добродетельных? Пять процентов, т. е. 22,500 человек. Сколько среди них наберется таких, которые вооружатся во имя справедливости, чтобы перейти от частной практики к общественной борьбе и принять участие в войне до конца против несправедливости? Пять процентов, самое большое, т. е. 1125 человек.

После этого Прудон заключает: дайте мне 100 человек, т. е. одного на каждые 340,000, и менее, чем через десять лет я изгоню из этой страны: преступление,

проституцию, эксплуатацию и деспотизм. Ему отвечают: «Возможно, что это так... Сто справедливых людей из 34 миллионов, сто человек, которые согласились бы действовать, зажгли бы мир священным огнем. Но вам никогда не удастся объединить их, и Ваша гипотеза оказывается самой неосуществимой из утопий... Они не только не имели бы достаточного доверия друг к другу, но и не были бы вполне убеждены в святости их усилий и не имели бы мужества привести в исполнение свои собственные приговоры... своими собственными руками... в «тайном обществе для защиты права, для поддержания уважения к истине и морали, для устранения всякого политического, гражданского, судебного, литературного и т. д. плутовства»... «В момент религиозной и патристической экзальтации Вы можете добиться от массы акта торжественной справедливости, но Вам никогда не удастся вызвать и поддержать в сердцах ста человек, собравшихся в качестве суда присяжных, тот пыл, ту убежденность, ту авторитетность, которые необходимы для оказания справедливости и которые превращают подобное собрание в истинный орган общественного сознания и делают его стражем общества»...

Таким образом Прудон на момент поддался романтическому увлечению крайним социальным ригоризмом, но скептицизм, в конце концов, возобладал. Не так обстояло дело с Бакуниным, который в 1864 г. принялся за работу, чтобы создать такого рода внутренний источник революционной инициативы. Любопытно то, что и он тоже пришел к цифрам, говорившим, что «интернациональных братьев» может оказаться лишь несколько сотен. Однако, приступив к практическому выполнению плана, он разыскал немногим более дюжины таковых. Для непосредственно — практических целей трудно было добиться, чтобы даже эти немногие сотрудничали в полном согласии.

Чем более развиты люди, тем более их прекрасные и тонкие качества, хорошие или плохие, приводят к созданию различия между ними. Этому факту должен соот-

ветствовать постепенный переход от организации, где все должно поступать одинаковым образом к сотрудничеству, к работе сообща (когда каждый может выказать наилучшим образом свои личные качества).

Пребывание Прудона в Париже в 1832 году закончилось бедою. Фалло едва не умер от холеры. Прудон выжил, его и вернул к жизни, а затем, отправившись в путь по направлению к южной Франции с философской рукописью и очень небольшим запасом денег. Прудон искал работы до тех пор, пока выдающийся последователь Фурье — Жюст Мюрон — не пригласил его редактировать в Юре газету «Безпристрастный» («L'Impartial»). Однако Прудон отверг это предложение, когда узнал, что газета поддерживала связь с правительством. Он хотел бы проповедовать против всех правительств без исключения... «Почему бы не пригласить население научиться самому управлять своими делами, подготавливая таким образом путь к конфедерации народов? Пусть постарается путем просвещения, науки, здоровой нравственности, патриотизма, обходиться без всякой министерской и конститутционной иерархии, используя в то же время то немногое хорошее, которое можно извлечь из последней»..

Так Прудон в 1838 году возобновил развитие своих первоначальных антиправительственных идей и идей о самоуправлении, возникших у него в 1832 году. Это показывает совершенное одиночество Прудона уже в то время, когда все передовые партии, республиканские и социалистические, стремились стать полностью или частью правительства. Один лишь Прудон стремился освободить народ от опеки и принудительной власти правительств. Вскоре после того, как его брат умер на военной службе при условиях, оставшихся не выясненными, Прудон отметил: «Эта смерть сделала меня, наконец, непримиримым врагом существующего порядка».

Годы, прожитые им в Безансоне, вплоть до 1838 года, а затем и 1838 г. когда Прудон опять на время оказался

в Париже, прошли в попытках стать самому печатником (в компании еще с одним человеком) и заняться литературной работой в области, которую он никоим образом не мог овладеть. Я имею в виду его «опыт общей грамматики» (1837 г.), бывшей приложением к изданной в 1764 году книге о языках. Напечатание этой книги было совершенно бесполезно в те годы, когда подлинная наука сравнительной филологии разрабатывалась с той же быстротой, как и новые подлинные науки о природе. Во всем этом Прудон потерял неудачу, и его последней надеждой было получить премию Сюара, которую Академия Безансона и присудила ему 23 августа 1838 года. Это означало средства к жизни на три года. Начиная с того времени, он уже мог полностью посвящать себя научной работе. Он был в те годы острым наблюдателем.

В июне 1838 года он предложил издавать брошюры на злободневные темы. Полемическая литература такого типа была в большой моде в те годы, когда выступали Поль Луи Фурье, Клод Тилье, де Корменен («Тимон»), Альфонс Карр и другие. Прудон этого плана не осуществил, но с тех пор его книги представляли собой соединения исследования и сатиры на злободневные темы. Те несколько слов, которые принесли Прудону мировую известность — «Собственность есть кража» — явились ничем иным, как самым кратким, сатым, резким памфлетом того времени.

Самостоятельно задуманные исследования, самодельная наука и сильные, прямые удары пера памфлетиста, — таковы были соединенные орудия Прудона. По этому способу, в течение 25 лет, он вскрывал сущность каждого выдающегося вопроса французской и мировой социальной и политической жизни, современной и исторической. Он не мог, конечно, быть вполне знакомым со всеми многочисленными вопросами дня и не пытался изучить их путем усиленного чтения. За то он обдумывал свои темы на тысячу ладов, показывал их со всех сторон, при чем обычно назо-

для в каждом вопросе хорошие и дурные стороны и старался устранить последние и искал логического решения. То, что большинству людей казалось неподвижным, постоянным, неизменным, под его критическим взором оказывалось движущимся и обладающим незамеченными ранее способностями к развитию.

Роковые связующие элементы — власть, интерес, монополия, рутинна — устранялись, и все снова получало жизнь в его руках, как только элементы окостенения и принуждения отпадали: государство, религиозные и собственнические интересы, умственная апатия и моральная инертность.

Мало значения имеет вопрос о том, был ли тот химический анализ, с помощью которого каждый вопрос разлагался таким образом на составные части, ближе к диалектическому или к научному методу, и были ли результаты окончательными или же переходящими и спорными. В течение 25 лет собственная, самодеятельная, интеллектуальная химия Прудона разлагала на составные части окаменевшие идеи многих поколений лучше, чем какая бы то ни было другая подобная попытка, в том смысле, что широкая европейская публика внимательно, как я уже сказал, прислушивалась к Прудону, но не оказывала такого же внимания ни защитникам существующего строя, ни революционерам и ученым, и еще меньше того — догматикам, вроде Маркса. Прудон был лучшим и почти единственным мастером такой критики. Это наложилось на него обязательство выступать по требованию друзей и врагов с советами положительного характера, и в этом он, разумеется, имел гораздо менее успеха, независимо от того, имели ли его указания действительную ценность, или были спорными. Ибо критический метод Прудона до такой степени был личным, индивидуализированным, что предлагавшиеся им решения имели такой же характер и едва ли могли быть применены к реальным современным людям, учреждениям и положениям. Это вызвало незаслуженное разочарование и в дальнейшем привело к со-

жалению, к забвению всей работы Прудона. Понятый буквально, Прудон часто оказывается неприемлемым для нас, но если понимать его в связи с исторической обстановкой его времени, то в очень многих случаях он оказывается поистине замечательным человеком.

Выражение «Собственность есть кража», употребленное в 1840 году, это раз объяснено в его книге того же года. Напрасно пытались оспаривать у Прудона авторство этих слов и приписать его журналисту Бриссо де Варвиллю (1754—1793). В полном собрании сочинений Бриссо, вышедшем во время революции, напечатано было сочинение под заголовком: «Философские изыскания о праве собственности и о краже в природе и обществе».

Я заимствую этот заголовок из издания 1872 г. Я случайно нашел у одного из парижских букинистов прекрасный экземпляр первого издания брошюры Бриссо — подпольное провинциальное издание, напечатанное за много лет до революции, очень редкая книга. Здесь слова «о краже» не попадались. Мне неизвестно, при каких условиях они были добавлены в полное собрание сочинений 179-го Бриссо, как я помню, настаивает на том, чтобы пользование общественной и частной собственностью, не принадлежащей нам, носило бы платонический характер, и чтобы мы лишь смотрели на нее мимоходом на общественные сады, прекрасные цветы, на женщин, на картины и другие красоты. Все это бесконечно далеко от тяжких обвинений, выдвинутых Прудонов против узурпаторов.

Прудон, обвиняя узурпаторов, не мог желать, чтобы собственность была у них снята и передана другим узурпаторам. По этой причине он подозрительно и строго относился ко всем мероприятиям государственного социализма, который также отнимал собственность у человека во имя нового идеала. Он понимал человека, как производителя, которого следовало соединить с плодами его труда. Он желал видеть продукт его труда обезличенным ему, и согласен с его собственным понимани-

ем, т. е. на основании договора о взаимности. Прудон никоим образом не был анти-социалистом в смысле Тукера.

Джеме Гильом показал это в своем небольшом очерке «Прудон социалист» в журнале «Рабочая жизнь» («La Vie Ouvrière»). Он был человек общественный и общительный в полной мере, когда это было результатом добровольного соглашения и не носило характера постоянного обязательства. В тех условиях, в каких ему пришлось работать с 1840 до 1864 г., он был тесно окружен авторитарными социалистами и поэтому усиленно подчеркивал индивидуалистический характер своих социальных взглядов. Мы должны помнить до какой степени он был изолирован и являлся мишенью для совместных нападок социалистов и буржуа. Не надо так же забывать, как неразвиты были его ранние сторонники, для которых ему пришлось организовать в 1848 году «Народный банк», до возникновения своего — обреченный на неудачу и являвшийся лишь преждевременной схемой будущих достижений.

Важнейшей работой Прудона были три Мемуара 1840—41 г.г., а также его «Объяснения», касавшиеся судебного процесса 1842 года в Безенсоне. Затем его большая книга 1843 г. — «О создании порядка в человечестве, или Принципы политической организации». Знаменитая «Система экономических противоречий, или Философия нищеты» 1846 г., два больших тома. Практические предложения 1848 г. «Организация кредитов» и т. д. Его смелая речь 31-го июля 1848 года в Национальном Собрании против господина Тьера привела в бешенство Палату и буржуазию. Эта речь заставила Бакунина несколько дней спустя написать Гервегу, что Прудон единственный теперь человек в Париже, единственный в мировой политической литературе, который кое-что смыслил. Он выказал большое мужество; его речь в эти скверные лицемерные дни была благородным поступком. Если бы он признал власть и если бы его доктринерство из отрицательного, как сейчас, стало положи-

тельным, то мы, вероятно, вынуждены были бы бороться против него, ибо, после всего, он также держит про запас свою маленькую систему, — однако, в настоящее время он все еще с нами, и мы должны признать, во всяком случае, что он обнаружил замечательное мужество».

Прудон обнаруживал такое же мужество каждый день в 1848 г. своим разбором махинаций нового правительства, партий и начинавшейся контр-революции в его газете «Представитель народа». Эти статьи были собраны и изданы под заголовком «Исповедь одного революционера» в 1849 году. Это самый поучительный разбор опасностей, которым революции всегда подвергаются со стороны враждебных революционеров, которых они легкомысленно поднимают к власти.

Он продолжал свою критику во многих статьях своих других газет «Народ», «Голос народа», а также «Народ в 1850 г.», собранных и изданных в трех томах под заголовком «Смесь» (1868—70). Однако, не все статьи вошли сюда. В это время Прудон был посажен в тюрьму на 3 года (1849—1852), что не мешало ему писать для своих газет, писать книги и даже жениться, так как политические заключенные в те годы пользовались уважением во Франции. Этот порядок сохранился до некоторой степени и в позднейшие годы. В таких условиях Прудон напечатал свое лучшее анархическое произведение «Общая идея революции 19-го века» (1851, VII, 352 стр.).

Вскоре после того Республика была удушена государственным переворотом Луи Бонапарта 2-го декабря 1851, за которым последовало восстановление наполеоновской Империи. Империя пережила Прудона почти на шесть лет и создала для него новое положение. Ему так опротивела Республика буржуазных республиканцев, подвергшая избиению парижский пролетариат в июне 1848. (Книга Луи Менара «Пролог одной революции», описывающая эти ужасы, была напечатана в газете Прудона и является страшным обвинительным актом (и которая была до такой степени без-

дарна, что дала Луи Бонапарту все возможности навязать себя французскому народу, — что он не чувствовал себя солидарным с низложенными буржуазными республиканцами, своими худшими врагами, отправившими его в тюрьму. Он был там в безопасности, когда произошла декабрьская резня в Париже и в провинции. От народа и его настроений он был оторван.

Все независимые люди в то время вынуждены были эмигрировать или скрываться, если только не становились жертвами активной борьбы и не попадали в тюрьму. В таких условиях Прудону пришла в голову сомнительной ценности мысль о том, чтобы изучить предательское выступление Наполеона, как своего рода экономическое явление, как результат буржуазной эволюции. Он написал книгу «Социальная эволюция, доказанная государственным переворотом 2-го декабря» (1852). Революционеры сожалеют о недостатке такта, обнаруженном Прудон, вступившим в спор с человеком, которого прогрессивное общественное мнение считало ниже всякого презрения. Повидимому Прудон хотел выказать смелость и приободрить народ путем обращения к новому тирану, как к любому иному обществ. деятелю, с доказательствами и опровержением его доводов. Узурпатор пожелал нанести удар Прудону тем, что не подверг его книгу конфискации. Это уменьшило популярность Прудона.

Наполеон нанес ему другой удар, не разрешив ему издавать во Франции газеты или журналы. Программа такого журнала была напечатана в Брюсселе — «Философия прогресса», 1853, 156 стр. После этого Прудон, написав несколько мелких произведений, сосредоточился на своей большой книге «О справедливости в революции и в церкви», 1858, 3 тома в 520, 544, 612 ст. Книга была конфискована, а Прудон был приговорен снова к трем годам тюрьмы. Он бежал в Брюссель, где выпустил расширенное издание этой книги в 12 малых частях под заголовком «Очерки народной философии», 1860-61.

Между тем, после покушения Орсини на его жизнь в январе 1858, император Наполеон III заключил союз с королем Пьемонта и объявил войну Австрии (1859), открыв этим самым так называемую эру национальной независимости (Италия, Польша и т. д.). На самом деле, это было лишь начало европейских войн с 1859 до 1914—18 годов, за которыми последовали новые возможности войны в наше время.

Республиканцы 1848 г. в этом вопросе стали на сторону своего врага, императора Наполеона III, и превратились в национал-патриотов. Только Прудон возстал против всех этих попыток продвижения к политической власти, против завоеваний и поглощения социализма этатизмом и империализмом.

Мы можем подробно уяснить себе его точку зрения с помощью многих его писем, а также из книги «Война и мир», в двух томах появившейся в 1861 г., и, особенно, из его двух статей, напечатанных в Бельгии в июле и сентябре 1862 года и перепечатанных под заголовком «Федерация и единство в Италии», в октябре того же года. В то время бельгийские националисты совершенно не понимали его, стали устраивать против него демонстрации перед его домом, вследствие чего он вернулся в Париж (17-го сентября). О его точке зрения мы можем узнать также из книги «О федеративном принципе и о необходимости реорганизации партии революции» (Париж, февраль 1863, XVIII, 324 стр.) и из других произведений, написанных в ноябре 1863 года и в декабре 1864 года, а затем из посмертной книги «Франция и Рейн» (1867), и т. д.

Я могу лишь попытаться выразить дух этой великой борьбы в одиночку, сказав, что, подобно Бакунину в его позднейших произведениях, Прудон видел спасение и мир только в федерации, ибо обособленные государства всегда были соперниками и врагами друг друга, стремившимися только к расширению, к гегемонии, национальному процветанию за счет всех других государств и с опасностью войны каждый

раз, когда можно надеяться, что война принесет выгоды.

Мнение Прудона вполне оправдалось, ибо постоянное напряжение, правдебность, приготовление к войне, война, ненависть, новые вооружения, новые войны характеризуют весь период с 1859 года до 1935 года. Только искренняя и разумная федерализация могла бы предотвратить эти явления. В Прудона бросали камнями итальянцы, поляки и их французские, английские и немецкие сторонники, и только в Испании он был хорошо понят. П. Маргал и столь многие другие федералисты в Испании подготовили там настроенные настолько, что в 60-х годах Прудона начали там успешно переводить и читать. Идеи П. Маргала и Прудона, ставшие дорогими передовым рабочим, сделались, в более законченном истолковании Бакунина, с конца 1868 года, основными идеями Международного Товарищества Рабочих — федерации испанского округа, в самой большой и наиболее долго существовавшей организации Интернационала.

Два лучших мыслителя испанского движения, Серрано Отейза и Рикардо Мелло почерпнули свои идеи из произведений Прудона: что же касается более широких кругов, то влияние Бакунина на них оказалось сильнее.

В Париже болезнь, приведшая к его ранней смерти, помешала Прудону расширить круг его личных знакомств. Тем не менее, он всегда был в действии, как это доказали его посмертные произведения. Он поддерживал связь с теми рабочими, которые создавали синдикаты и, хотя не исключали совершенно политику, но все же склонялись к мысли о создании экономической рабочей партии, как прямого представительства труда. Они были умеренными республиканцами, не знавшими или забывшими о бедствиях подвергшихся преследованиям республиканцев 1851-го года. Они лишь готовили на анти-социалистическую позицию буржуазных республиканцев.

В этом отношении Прудон был их естественным вождем, в то время, как они

были далеки от единомыслия с ним и даже от знакомства с его действительными анти-государственными и анархическими взглядами.

Соткнувшись на большую группу Толэна и его товарищей, которые также, начиная с 1862 г., поддерживали связь с молодыми и передовыми вождями британских тред-юнионов и, в конце концов, основали Интернационал в Лондоне в сентябре 1864 года. Прудон написал для этого движения свою книгу «О политической способности рабочего класса», напечатанную после его смерти в 1865 году, VI, 455 стр. Здесь он высказал свои лучшие мысли в назидание начинавшемуся широкому рабочему движению. Но состояние его здоровья не позволило ему поддерживать прямые сношения с этими людьми, участвовать в событиях 1862—64 гг. и передать, хотя бы некоторым из участников движения, свои наиболее существенные либертарные идеи, а также предостеречь их против тех, кто руководился лишь честолюбием и самолюбием. Поэтому, когда Прудон умер, эти люди и некоторые из его личных друзей прослыли представителями и продолжателями его идей. Они, однако, оказались не на высоте этой задачи. Это дало старому врагу Прудона, Марксу, находившемуся в Лондоне и не могшему тронуть Прудона при его жизни, возможность быстро справиться с последователями Прудона в Интернационале. Он использовал их против революционных социалистов, которых он недолюбливал; тем не менее, он привел их, не сознававших того, к их собственной гибели, радуясь их ошибкам и стремясь выиграть время, чтобы совсем освободиться от них.

Маркс воображал, что таким путем он будет в состоянии, наконец, нанести поражение Прудону (которого он оскорбил даже в некрологе после его смерти). Было бы недобросовестно и, с исторической точки зрения, нелепо делать Прудона ответственным за ошибки этих слабых и неустойчивых людей, делавших ошибки и по собственной вине, и под влиянием тайных интриг Маркса.

Идеи Прудона были лучше поняты несколькими независимыми социалистами, как, например, Верморель и бельгийскими анархистами — социалистами 60-х годов, а также некоторыми, более или менее свободными от партийных связей, социалистическими мыслителями, среди которых Лавредейс стоит в первом ряду.

Рост влияния Прудона начался со времени его знаменитой книги 1840 года и усилился в 1848 году. Сам Маркс был поражен этой книгой, равно как и Энгельс, Макс Штирнер, Арнольд Руге, Бакунин, Герцен, М. Гесс, Карл Грюн, В. Марр, многие философы в Германии и некоторые из рабочих социалистов того времени, а также некоторые русские, американцы, бельгийцы, испанцы и итальянцы. Таковы были, например, ставший позднее товарищем Бакунина, сицилийский доктор Саверио Крисчиа, Джузеппе Феррари, Густав Чанди, Жорж Дюшен были близки к Прудону.

Из молодых французских революционеров 60-х годов укажу — после смерти Прудона — Роберта Люзарри, Лонго и Лафарга, Вермерша, Жюля Валеса. Вскоре доктор Артур Мюльбергер стал ярким проповедником идеи Прудона в Германии, при чем против него выступал Энгельс. Чарльс А. Дана в Нью Йорке, позднее П. С. Оуэн (британский), Джон Веверлей и Г. Р. Тукер в Соединенных Штатах, Николо Ле Савио во Флоренции (1865), Плотиньо Родоканакис (австриец), в Мексико, Н. В. Соколов, автор книги «Отщепенцы» (1856) в России и многие другие были независимыми сторонниками Прудона.

Шесть произведений Прудона: «Что такое собственность» (1840), «Экономические противоречия» (1846), «Исповедь одного революционера» (1849), «Общая идея революции» (1851), «О федеративном принципе» (1863) и «О политической способности рабочего класса» (1863), привлекали к себе величайшее внимание во всех странах, во Франции же книга «О справедливости в революции и в церкви» (1858) нашла себе наиболее высокую оценку.

Здесь эту книгу рассматривали, как одно из классических произведений французского территориального или регионального гения (противоположность централизаторским властническим писаниям).

Многие письма Прудона, полные новых идей, пересыпанные скачками замечаниями и личными подробностями, напечатаны были в 14 больших томах (1875). Позднее были напечатаны, кроме того, целые серии других его писем. Многие части его дневников перед нами. Ряд его произведений в 26 томах, вместе с 7 томами его посмертных произведений и новыми дополнительными томами, печатались начиная с 90-х годов. Затем, большое окончательное издание, с обширным историческим введением, было предпринято, и в настоящее время уже вышло три или четыре больших тома. Его произведения, однако, далеко не исчерпаны этими изданиями, и возможно, что многое осталось еще неизследованным.

На Герцена Прудон произвел сильное впечатление, как это видно из его книги «Былое и думы», и он оказал значительную поддержку в 1849-50 г.г. газете Прудона «Голос народа». Бакунин познакомился с Прудоном в 1844 году, встречался с ним в 1845—47 годах и опять увиделся с ним в 1853 и 1854. Когда книги Бакунина были подготовлены к печати (1872—73), — серия, содержащая «Государственность и анархия» и «Историческое развитие Интернационала», — Бакунин предложил Соколову написать о Прудоне, но, в конце концов, Джеме Гильом написал книгу «Анархия по Прудону», III, 212 стр., которая была переведена Зайцевым и просмотрена Бакуниным (как это объяснил З. Ралли).

Книга была напечатана в Лондоне в начале 1874 года, под наблюдением покойного М. П. Сажина (Росс), который отправил почти все издание в Россию. Таким образом, эта книга стала одною из самых редких русских книг в Западной Европе, хотя не менее трех экземпляров этой книги еще сохранились. О судьбе же

большого количества экземпляров, отправленных в Россию, мне ничего не известно. Книга не была переиздана, насколько мне известно, а подлинная французская рукопись была уничтожена до 1898 года. Она содержала главным образом исчерпывающий разбор книги «Исповедь одного революционера» и сравнения Прудонской теории мюлюэлизма и коллективистического анархизма, усвоенного Юрской, итальянской, испанской, бельгийской и частью французской секции Интернационала, а также Бакуниным.

В течение последних 30 годов идеи Прудона очаровали Густава Ландаура, который перевел много выдержек и подготовил издание «Войны и мира» незадолго перед своей ужасной смертью. Бертовин, в качестве объективного поклонника Прудона, напечатал много извлечений из его трудов в Женевском «Le Reveil». Когда профессор Галеви напечатал том хорошо подобранных писем Прудона, то эта книга оказалась классической новинкой для современного Парижа. В конце 70-х годов Д. Р. Тукер в Массачусетсе начал переводить книги Прудона, которого американские индивидуалисты и покойный Джон Генри Макей в Германии высоко ценили. Но Прудон в настоящее время известен не столько своими экономическими трудами, сколько своим общим критическим гением, постигшим смертельную опасность власти и нанесшим ей тяжкие удары. В этом отношении он является действительно либертарным классиком.

Некоторые из его произведений, трактовавших о злободневных темах, хотя и были написаны очень давно, являются весьма укрепляющим чтением в наш истощенный век. Его время никоим образом не миновало, — оно грядет.

Если кто-либо скажет нам, что Карл Маркс в 1847 году указал пальцем на некоторые слабые места экономических произведений Прудона, и что, когда «Общая идея» была напечатана в 1851 году, он (или Энгельс) намеревался сокрушить их путем критики в печати, — что они рез-

ко критиковали Прудона в своей переписке, — что Маркс оскорбительно отзывался о мертвом Прудоне (1865), и что он обливал ядом прудонистов 60-х годов в своих частных письмах к Энгельсу и к другу Кугельману, — что Энгельс еще раз уничтожил Прудона, путем опровержения д-ра Мюльбергера и т. д., — то не будем мешать им болтать и хвастаться этими дешевыми победами.

Маркс, независимо от того, был ли он прав или неправ в некоторых научных подробностях, так же мало мог ударить по Прудону, как и уничтожить Бакунина или Макса Штирнера, как бы он о том ни старался. В свое время он пригласил Прудона сотрудничать в литографированном социалистическом издании, которое предполагалось разсылать из Брюсселя, — его письмо об этом ныне опубликовано.

Прудон же, пораженный духом этого письма, написал весьма многозначительный ответ (16-го мая 1846), в котором он, между прочим говорит, что, хотя его личные взгляды и отличались уже в окончательную форму, «... Я считаю своим долгом и долгом каждого социалиста придерживаться в течение некоторого времени античного метода сомнения во всем: одним словом, я исповедую по отношению к публике почти абсолютный анти-догматизм в вопросах экономики».

Далее он говорит: Будем вместе искать, если Вы желаете, законы обществ и их пути самовоплощения... но, ради Бога, после того, как Вы разрушили все виды догматизма, не будем пытаться вынуть какую-либо доктрину народу, не будем впадать в противоречия, в какое впал ваш соотечественник Мартин Лютер, который, свергнув католическую теологию, тотчас же положил начало протестантской теологии и стал широко применять отлучение от церкви и анафему. В течение трех веков Германия занималась только разрушением этих реформ господина Лютера; не будем задавать людям новую задачу путем создания новой смуты... Будем продолжать хитроую, логическую полемику; дадим миру

пример мудрой и предусмотрительной терпимости, и так как мы стоим во главе движения, то не следует нам самим становиться вождями новой нетерпимости, не будем позировать в качестве апостолов новой религии, хотя бы то была религия логики и разума.

Будем принимать и поощрять всякие протесты, будем пригвозждать к позорному столбу всякую нетерпимость, всякий мистицизм. Не будем считать ни одного вопроса исчерпанным и, пустив в ход наш последний аргумент, будем начинать сначала, если необходимо, красноречиво и пронычески.

На этих условиях я с удовольствием войду в вашу организацию; если нет — нет...»

Прудон видел Маркса насквозь и потому считал необходимыми эти резкие замечания, и Маркс, в течение многих лет бывший его молчаливым противником, стал с того времени его смертельным врагом. Если бы Маркс и социалисты вообще действовали по советам Прудона в течение последних 90 лет, то каково было бы те-

перь их положение? — При создавшемся ныне положении, мы можем только сказать: никогда не поздно исправиться. Взгляды Прудона сейчас правильны более, чем когда-либо. То же самое можно сказать о значительной части интеллектуальной работы этого редкого независимого мыслителя, пророка новой общественной жизни, основанной на автономии, добровольных соглашениях и федерации, взаимности и взаимной терпимости.

Некоторым, или даже многим, может казаться желательной замена взаимности — великодушием, обмена — общением; но это несколько не уменьшает значение рашых прав для некоторых или для многих создавать взаимность между собою, как советовал Прудон.

Мир был бы очень, очень беден, если бы ему всегда приходилось прибегать к единообразным системам. Но он этого не будет делать, ибо это — богатый, цветущий и полный надежды мир.

М. Неттлау.

21-го мая 1935.

ВОЙНА

Кровь везде! Кровью залиты поля!
Красное небо, на нем облака
Тянутся ярко-багряной каймой...
Кровью налился и ум мой больной!
Кровь! вот потеха, везде только кровь!
Сгиньте надежды, мечты и любовь!
Видите грудь от тоски разрывается,
Стопет от боли смертельной земли,
Люди все красные в крови купаются
Резут друг друга... ха! ха!...
Кто там заплакал? К чему сожаленье?
Кровь все залила! крови океан!
Кинься в него без тоски, без сомнения...
Гибнуть так гибнуть! гибель мирам
Небо багряное грозно вещает,
Ужас смертельный глаза застилает...
Плачьте, кричите! Спасения нет!
Вам не спастись от заслуженных бед!
Тонут в крови, задыхаются, мечутся;
Жизнь остановлена, — всюду хаос...
Это последняя мысль человечества!
Это кровавый психоз!

АНАТОЛЬ КОНСЕ.

ОДИН ИЗ МНОГИХ РАЗСКАЗ.

Это было в марте 1919 года, в пятый месяц власти большевиков. Немецко-австрийские войска заняли уже всю Украину и стояли у границ Великодержавии.

Повсюду возникали повстанческие отряды, и они — или сливались с Красной Гвардией (красной армии еще тогда не существовало) и держали фронт, или вооружались, как могли, и работали, в тылу немцев.

Наш «Повстанческий отряд анархистов» стоял на станции Горяnek, где в то же время находился и Главный Штаб Восточного Фронта. Главнокомандующий фронтом был Берзин — старый коммунист, начальником Штаба был левый социал-революционер. Отношение к нам Штаба было сдержанное, но довольно хорошее. Это и понятно. По тому времени наш отряд считался крупной боевой силой, вполне независимой — и штабу приходилось очень считаться с нами. На сто шестьдесят человек состава, мы имели 37 пулеметов, два орудия с газовыми снарядами, вагон ручных гранат, вагон винтовок и много другого снаряжения. Мы помещались в поезде, с которым мы приехали из Украины — и почти вся жизнь протекала в вагоне.

И характерно, несмотря на близость фронта, вокруг не наблюдалось той напряженной, придавленной атмосферы, какая бывает при надвигающейся тленности. Наоборот — и у красногвардейцев, толпившихся на вокзале и у крестьян, приходивших к нам целыми группами с просьбой снабдить их оружием, лица были радостно — возбужденные, в них чувствовалась сила и сознание своей непобедимости.

Был ясный, предвесенний день и у большой белой стены вокзального здания, где ударили лучи солнца, было приятно погреться. На станционном полсаидике снег был рыхлый и слегка подтаявший, и сквозь него местами проглядывали черные

комья земли. Длинная платформа просохла, но тут и там голубели темными пятнами лужицы оттаявшего снега.

Повсюду сновали рабочие, крестьяне, красногвардейцы в разных формах и одеяниях. Люди стояли группами, весело смеялись у играющей гармоникки, пускались в пляс — и добродушно посмеивались над комендантом станции.

«Потише, товарищи, потише», — просил он.

Это был еще юноша, лет двадцати или того меньше, с розовым девичьим лицом — и рубаша — парень. Один из тех сотен и тысяч парней, которые не прочь погулять и повеселиться, и побуйнить после выпивки. Видно, он был очень горд на свою с иголки новую форму и на свое неожиданное высокое положение, — и было забавно смотреть, как он, с полуоткрытой кобурой револьвера и позвякивая шпорами и осторожно обходя лужицы, чтобы не испачкать блестящих лакированных сапог, деловито шагал по платформе. Да, он был, действительно, хороший парень.

Но дурной.

«Не орите так, товарищи», — говорил он своим тихим голосом.

— Завидуешь, что-ль? Ты один делаешь больше шума, чем все мы вместе!

Это было явным преувеличением, — и все смеялись над этой немудрой шуткой.

Была почти весна, и настроение было веселее — радостное и светлое. Вокруг стоял густой шум, говор и смех, катился здоровый мат — и порой, тут — вовсе и не вдалеке, резким хлестом шелка сухой выстрел, и, несмотря на долгую привычку, заставлял невольно вздрагивать. Верно ктонибудь из гвардейцев или матросов пробует свое оружие или опять там кого-то убило случайным выстрелом.

Да, к выстрелам мы привыкли, привыкли мы также и к убитым — и подолгу останавливаться над этим было некогда. Только одна смерть каленной печатью в

лась в мою память, жгла меня месяцами, и теперь еще, после стольких лет, стоит она в моем сознании во всей своей мучительной безмысленности.

Я сидел у окна и наблюдал всю эту деструю, кипящую жизнь. Вдруг в нагзагон вбегает с криком сестра отряда — Клара.

«Вы... вы сидите тут!... Там комендант мальчика застрелил!»

— Как застрелил? За что застрелил? — слышались со всех сторон вопросы.

«Так... И если вы ничего не предпримите, то вы стоите, чтобы вам в лицо плюнули!»

Она вся дрожала. Ее несколько мучительное, смуглое лицо стало пепельным и подергивалось мелкой судорогой.

— Двадцать восемь рублей у него напали... еще мальчик... и комендант его застрелил...

Я выскочил из вагона. Там, на конце платформы, у нарисадника столпились люди. Я побежал в Штаб. За столом с бумагами сидел лишь адъютант и писал. Ясно, — он ничего не знал. Да и не сто мне было нужно. Я собирался уже уйти, как в дверях появился начальник Штаба.

«Вы, очевидно, по этому делу? — сразу обратился он ко мне, желая, видимо, этим предупредить мои вопросы. — Да, да! Печальный случай! Он уже навел свои справки... Только — что. Этот мальчик вор—ворюшка... Два дня как из тюрьмы и уже снова украл. Только не хотел сказать где...»

— И за это застрелить? — перебила я его.

«Это очень неприятно. Комендант, конечно, превысил свою власть, сделал ошибку. — Что же, делать?», прибавил он со своеобразной улыбкой — «Время такое».

Мне к горлу подступила такая злоба, что у меня захватывало дыхание. Я крикнул:

«Мы его убьем, как собаку, вашего коменданта! Как бешеную собаку, говорю я вам, если вы это так оставите!»

Нас заверили, что коменданта убьют и что отныне, пока наш отряд стоит на станции — ни один человек не будет арестован без нашего ведома. Но все это было потом. В момент, я стукнул дверью и вышел. Было гадко и больно — и злоба против всех этих людей, так играющих человеческими жизнями. И еще большая злоба — от сознания, что ничем, ну — ничем уже нельзя помочь.

Было время обеда и вокруг было почти пусто. Только у станционного садика стояло несколько человек. Я пошел туда. Убитый лежал еще там. Ему было лет 13-14 не больше. На нем был еще даже тюремный бушлат. Вероятно, при освобождении, он не имел своего собственного пиджака. Он лежал на боку, немного скривив ноги, и повернув голову в сторону. Худое, темно-желтое лицо. На виске краснелась маленькая круглая ранка и прядь светлых, почти белых волос сиротливо спадала на лоб. Правая рука была откинута назад и кистью купалась в луже грязной воды. И весь он производил такое горькое, детски — трогательное впечатление, что было невыносимо оставаться около него.

— И во имя чего и за что погиб этот ребенок?...

«Бедняга» — вздыхал кто-то. — Хорошего, видно, он мало выдал в жизни».

Я стоял молча — и ноющая тоска, как болезнь, овладевала мною.

«Убить того?! Ну, что же дальше? Это ли поможет? Да, Клара может нам в лицо плюнуть»...

Солнце блеснуло скользящим светом в лужах воды и в застывшей луже крови у головы убитого. Рядом пригали и чприкали во все горло два воробья.

Саша-Петр.

КРОПОТКИН И РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

В предисловии от июня 1919 г. к пересмотренному русскому изданию «Хлеб и Воля» и изданному в 1922 г. в Москве, Кропоткин, между прочим, высказывает следующее о российском опыте большевиков:

«... у нас в России вот уже второй год происходит попытка в великих размерах перестроить всю хозяйственную жизнь полтора миллиона народа на коммунистических началах. И крупные ошибки, сделанные в этой попытке, вследствие государственного, контролизационного, чиновничьего характера, приданного перестройке — сами эти ошибки показывают, как необходимо было давно заняться изучением условий, при которых возможен был бы действительный, живучий переход от капиталистического производства и потребления к общественному.

«А так как жизнь не остановится на первой неудачной попытке; так как за нею неизбежно последуют во всех странах более или менее глубокие преобразования в том же направлении.... то естественно, что на каждом социалисте лежит долг, обязанность перед человечеством и самим собою приложить силы своего ума и энергию к изучению условий, при которых переход к лучшему, некапиталистическому строю мог бы совершиться, без той разрухи, страданий, болезней, безумной траты сил, развития худших инстинктов наживы и т. п., которые мы переживаем теперь...

«Всем нам, кому дорого будущее, и кто в будущем хочет увидеть социальную революцию — удачную, живучую — всем нам предстоит серьезно задуматься над условиями, при которых такая революция может совершиться и удалась. Науке предстоит изучить действительные наличные силы общества и возможности перестройки; но мы должны изучать условия жизни — не по книжкам и брошюркам, а принимая в ней живое участие — в деревне, в мастерской, на фабрике, на железной дороге, в рудниках и т. д. Мы

должны узнать силу сопротивления старого порядка, выяснить причины его стойкости и пробудить новые, строительные силы нового порядка.

«Одно из возможных направлений перестройки указано в этой книге; и нет сомнения, что в латинских странах коммунальное производство и потребление будут широко применяться, вместе с федерацией коммун для вопросов областных и всенародных.

«Другое возможное направление, тоже анархическое, было указано нашим товарищем Пуже в книге «Как мы сделаем революцию». Он изложил в ней, как многие синдикалисты понимают социальный переворот с точки зрения профессиональных союзов — синдикатов; и я надеюсь, что эту книгу скоро издадут в русском переводе.

«Надеюсь также, что в России издадут, наконец, изложение того, как понимали социальную революцию Прудона (хотя бы в кратком изложении его системы Гильомом) и его последователь в Соединенных Штатах, Беллами, в книге «Равенство». Будем еще надеяться, что вообще теперь ослабится в России идолопоклонство перед немецкою социал-демократиею, и зародится желание ознакомиться с тем, что делается в Англии в направлении муниципального и «гильдейского» социализма, а в латинских странах — в направлении «Коммунизма», т. е. общинного обобществления потребления.

«Общего ознакомления с этими вопросами, поставленными жизнью на очередь в обобществлении землепользования, промышленности и торговли — недостаточно. Жизнь теперь будет требовать глубоких перемен. И если мы все будем жить в прежнем неведении, то всякая новая попытка неизбежно приведет к неудаче.

«Всякий поймет, с каким чувством я должен был перечитывать теперь эту книгу. Пусть послужит она одним из очень многих камней, которые необходимо обте-

сать, чтобы из них возвести прочное здание новой общественности, на основах — не слепого повиновения власти, а вольного сотрудничества всех. (П. Кропоткин, — «Предисловие» от июня 1919 года к новому изданию «Хлеб и Воля», изд. Москва, 1922 г.).

В своем послании к европейским рабочим, Кропоткин вновь утверждает:

«Россия сейчас переживает революцию не меньшей важности, чем те, которые пережили Англия в 1639-48 гг. и Франция в 1789—94 гг.

«Будучи российская революция продолжением двух великих революций английской и французской, она делает усилие продолжать там, где остановилась французская, дойдя до понятия «фактического равенства», т. е. равенства экономического.

«К несчастью, в России эта попытка была сделана при помощи сильно централизованной диктатуры партии большевистской. Таковая же попытка, централистическая и якобинская была сделана Бабе-ром и его сподвижниками. Должен откровенно признаться, что по моему мнению, эта попытка создания коммунистической республики на основе сильно централизованного государственного коммунизма и при помощи железного закона партийной диктатуры, кончается неудачей. Россия нас учит как не нужно навязывать коммунизма.

«Хотят оправдать это, говоря, что чтобы уничтожить старый режим, — необходима диктатура. Но это представляет собой регресс, когда вопрос идет об организации нового общества на новых экономических началах.

«О том, каким образом действовать, что бы свергнуть правительство уже побежденное, не имеется недостатка в примерах древних и современных. Но другое дело, это — создать новые формы общественной жизни и особенно новые формы производства и обмена, не имея на виду примеров, которые можно было бы имитировать. Тогда правительство, ставящее себе задачей регулировать каждую вещь в ее самых мелких деталях и которое этого не достигает,

ни даже располагая неорганизованной армией чиновников, становится предлогом для злоупотреблений. Насаждают такую обширную бюрократию, что даже сама французская бюрократическая система, по которой для того, чтобы сваленное ураганом дерево, необходимо вмешательство 40 чиновников, кажется безделушкой. А при таком положении вещей, мы присутствуем сейчас в России. И это то, что вы, западно - европейские рабочие должны будете избежать, если вы от души желаете успеха в общественной реконструкции. По-сылайте своих делегатов в Россию, чтобы они видели вблизи как действует социальная революция в реальной жизни....

«Громадная строительная работа, которую требует социальная революция, не может быть делом центрального правительства, хотя бы, чтобы руководить ею, оно располагало чем нибудь более существенным, чем пара социалистических или анархических руководств. Она нуждается в знаниях, умах и добровольном сотрудничестве меньшинства сил местных и специализированных, и которые одни только в силах разрешить успешно все разнообразие местных экономических проблем. Отвергнуть это сотрудничество, чтобы доверить их единственно гениальным качествам партийных диктаторов — равнозначуще разрушению независимых ячеек, как профессиональные организации и местные кооперативы, превращая их, как это происходит сейчас в России, в простые бюрократические придатки партии»...

Но несмотря на свое отрицательное отношение к диктатуре большевиков, Кропоткин был все таки крайне резким противником какого бы то ни было иностранного вмешательства в дела русской революции, настаивая, что «рабочие цивилизованного мира и их друзья из других общественных классов, должны заставить свои правительства отказаться навсегда от всякого военного вмешательства, прямого и непрямого, во внутренние дела России.»

(П. Кропоткин — «Письмо к западно-европейским рабочим» от 10 июня 1920 г. Цитирую с испанского, см. «Ед. Либерта-

рпо», Буэнос Айрес, № 13, от 25 сентября 1920 г. стр. 3).

Но несмотря на весь глубокий интерес Кропоткина к совершавшимся событиям в России, голос его редко был слышимым для широких анархических масс, не известны были его мнения о том, что делать и как делать.

И многие анархисты крайне интересовались причинами этого молчания Кропоткина. Особенно потому, что некоторые анархо-синдикалисты и анархо-большевики часто выясняли то, что Кропоткин с Октябрьской революцией, то что он стал на позицию единого фронта с коммунистами, то, что он заявляет себя анархо-синдикалистом. И каждая большевистская группировка старалась пристегнуть его имя к своей антианархической активности. Только небольшой круг товарищей, поддерживавших с ним личные сношения знали о причинах его молчания и о его взглядах на вещи и на события.

Все эти сомнения о позиции Кропоткина часто доходили до его семейных, и в разговорах ставилось ему на вид. Иногда просили его об этом и близкие друзья не увлекшиеся событиями.

Но Кропоткин предвидел все зло аморализма, свдавшее людей стоящих у власти и из революционеров, социалистов и анархистов превратившихся в палачей, и отдался всем существом своим разработке этических основ для человеческой деятельности. Он был стар, чувствовал, что силы его ограничены, и все их отдавал на эту работу.

Но после одной из таких бесед со своей подругой и дочерью, за несколько недель до своей смерти, он набросал свое мнение о совершившихся событиях и о том, что можно от таковых событий ожидать, которые, как показали события, были пророческие.

«23 ноября (1920 г.) Бурный разговор с С. у С. Все те же вечные упреки, — зачем не выступаю с определенной программой — чего? действия? — Нет: «взгляды», общего взгляда на современные события.

«Вот мой взгляд.

«Пережитая нами революция есть итог не усилий отдельных личностей, а явление стихийное — не зависящее от человеческой воли, а также природное явление, как тайфун, налетающий на берега Восточной Азии.

«Тысячи причин, при которых работа отдельного человека, и даже партии является одной из крупинок, одним из маленьких вихрей, содействовали, чтобы сложилось великое стихийное явление, — великая либо обновляющая, либо разрушающая зия не увлекшиеся событиями.

«Все мы, — и я в том числе, подготовили этот стихийный переворот. Но его же подготовили и все предшествующие революции 1793, 1848, 1871 г.г., все писания леонбинцев, социалистов, политиков... все успехи науки, промышленности, искусства и т. д. — словом, миллионы стихийных причин, как миллионы движений частиц воздуха или воды производят налетевшую бурю, которая топит сотни кораблей, или разрушает тысячи домов, — как сотрясение почвы в землетрясении, вызванному тысячами мелких сотрясений и подготовительных движений частиц.

«Люди вообще не представляют себе явления конкретно, вещно, мыслящие больше словами, чем продуманными образами, не имеют никакого представления о том, что такое революция. Какие миллионы причин совместно работали, чтобы дать ей теперешний характер, а потому они склонны придавать непомерное значение в ходе революции своей личности и положению, которое они или их друзья и единомышленники займут в этом громадном перевороте. И, конечно, они совершенно неспособны понять, как бесценен отдельный человек, каковы бы ни были его ум и опытность в этом водовороте сотен тысяч сил, приведенных в движение переворотом.

«Они не понимают, что если началось такое великое явление природы, как землетрясение или вернее — как налетевший тайфун, то оказать какое бы то ни было влияние на ход событий отдельные

люди бессильны. Партия еще может кое-что сделать — гораздо меньше, чем это думают, но все таки, хотя на поверхности набегавших волн ее влияние еще может быть чуть-чуть заметно. Но отдельные волны, не составляющие довольно многочисленной партии, безусловно бессильны. Их силы безусловно равны нулю. Вообразите волну вышиною в сажень, набегавшую на берег, и вообразите человека противопоставляющего ей свою папку, или даже свою лодку.

«Если к этому сводятся такие силы, то тебе — остается одно: переживать тайфун.

«В этом положении стою я, анархист. Но в очень похожем на это положение стою сейчас в России даже более крупные партии.

«Скажу больше. В этом положении стоит и правящая сейчас партия. Она уже не правит, а ее несет течение, которое она помогла создать, но которое теперь уже в 1000 раз сильнее ее.

«Вот была плотина, державшая массу воды. Мы все подточивали ее. И я внес в это свою долю.

«Одни мечтали направить воду по тесному каналу на свою мельницу. Другие мечтали проложить при помощи прорыва воды новые пути запруженной реке. Теперь она несет не на мельницу — она снесла уже мельницу, не по предназначению нами руслу — потому что произошел прорыв не в силу наших усилий, а в силу множества гораздо более крупных причин, сделавших возможным прорыв плотин. — И вот спрашивается: что же делать?

«Запружать плотину — нелепо. — Подождо.

«Прологать прорвавшейся воде новые пути — невозможно. Мы готовили ей путь, который считали наилучшим. Но он оказался еще недостаточно глубок, недостаточно подготовлен, когда случился прорыв, и вода не пошла по нем. Она рвется и ломает не другому пути.

«Что же делать?

«Мы переживаем революцию, которая пошла вовсе не по тому пути, который мы

ей готовили, но не успели достаточно подготовить... Что же делать теперь?

«Мешать революции? — Нелепо. Поздно. Революция будет идти своим путем, в сторону наименьшего сопротивления, не обращая ни малейшего внимания на наши усилия.

«Теперь русская революция стоит в таком положении.

Она творит ужасы. Она разорет всю страну. Она в своем бешеном остервенении истребляет людей: — потому она и есть революция, а не мирный процесс, что она ломает не глядя что она губит и куда идет.

«А мы бессильны пока направить ее по другому пути, вплоть до того, как она изживет себя. — Нужно, чтобы она изжила свои силы.

«А тогда?

«Тогда — роковым образом придет реакция.

Таков закон истории, и легко понять почему иначе и быть не может.

«Воображают, что мы можем изменить ход революции — детская мечта. Революция — такая сила, что ее хода не изменить.

«И приходит реакция абсолютно неизбежно, точно так же, как неизбежно углубление поверхности воды позади каждой волны, как неизбежен в человеке упадок сил после лихорадочного повышения.

«А потому все, что мы можем сделать, это направить наши усилия, чтобы уменьшить ее рост и силу надвигающейся реакции.

«Но в чем могут состоять наши усилия?

«Умерить голос страстей с той и другой стороны? Кто же нас станет слушать? — Во всяком случае, даже если есть дипломаты, способные сделать чтонибудь в этой роли, — то время их выступления еще не наступило: ни та, ни другая сторона еще не расположены их слушать...

«Я вижу одно: нужно собирать людей, способных заняться постройкой работы среди каждой из своих партий, после того, как революция изживет свои силы.

Нам, анархистам, нужно подобрать ядро честных, преданных, не с'едаемых самолюбием работников анархистов. И если бы я был моложе и мог выдать сотни людей, — конечно, как это следует делать, если хочешь собирать людей для общего дела...

«Если такие „собиратели“ анархистов найдутся среди товарищей, то я, конечно, готов им помогать. Тогда и писанья надо вести — но гораздо больше перепиской и личными связями, чем путем печатни».

(П. Кропоткин — Кропоткин о Русской Революции, см. «Пробуждение» ном. 15, от февраля 1931 г.).

Кропоткин, как всегда, излагает здесь свои взгляды на русскую революцию и роль в ней личностей и групп со свойственной ему прямою и ясностью. Как и во всей своей долголетней активности, он и здесь остался верным своему лозунгу: любви к истине. Лицом к лицу с событиями, он не отделялся от ставившихся ему проблем легкой демагогией или напыщенными фразами, а высказывал то, что он думал и предвидел, как бы горестно и печально оно бы ни было. И похоже, что его предвидения не были ошибочны. Свирепствующие сейчас в мире фашизм и реакция не нуждаются в комментариях, чтобы подготовить предвиденное Кропоткиным. Не менее пророческим оказалось предвидение Кропоткина и о необходимости вновь начать работу по созданию сил как в начале зарождения движения.

Вот как комментирует Макс Неттлау этот документ Кропоткина:

«Содержание относится к непосредственному положению — невозможность для Кропоткина действовать при существовавшем положении вещей. И это говорит целыми томами о той ситуации, которая существовала после ноября 1917 года, когда всегда действовавший, всегда помогавший Кропоткин не видел что делать в революционной России, кроме самого примитивного собрания людей при помощи писем и личных разговоров, как это бывает

в первые моменты всякого движения...»

«После землетрясения и тайфуна, в природе наступает спокойствие, и скоро расцветают цветы, где пронеслась губительная катастрофа. Но после катастрофы 1914 года, созданной людьми, или после войны 1914—1918, вместо мира наступило господство приказов, и диктаторское проведение их в жизнь вызвало нынешний всемирный кризис. После Русской Революции существовала не дружеская кооперация всех сил, которые в природе равняют поля битвы и скоро покрывают их травой и цветами, а существовала и существует диктаторская, партийная власть и кризис таким образом увековечивается, как увековечился военный кризис.

«Но совет Кропоткина — начинать работу даже в таких минимальных размерах — был правильным: это была и есть потребность времени в течение всех этих лет. Нужны не новые каналы крошечных размеров, которые не будут замечены и будут залиты новым подлинным потоком, а нужно широкое и глубокое распространение свободной мысли и готовность к разумному действию, которое, как утверждает Кропоткин, не было доступно тем, кто придерживался таких и подобных идей, но без силен был действовать.

«Поэтому не «Платформистскими» регламентами, которые являются только школьными сказками, а действительным распространением великой и великодушной мысли, прилежным изучением и опытом мы сможем встречать новые события с надеждой, что печальные ошибки и недостатки прошлого времени больше не повторятся.

«В этом смысле последние слова Кропоткина являются для нас еще одним хорошим советом и дружеской помощью». (Макс Неттлау — «Последние слова Кропоткина о Русской Революции», от 15 ноября 1930 г. См. «Пробуждение» № 15 от февраля 1931 года).

«Многие из друзей и товарищей удивлялись его безмолвию о позиции его по отношению к происходящему в России. Причины этого выясняются в приводимых

выдержках из письма к его старому другу». (Эмма Гольдман — «Кропоткин»).

И действительно письма Кропоткина это выясняют полностью. Пишущий эти строки имел возможность читать несколько из таких писем, и из них ясно было видно, что Кропоткин не ушел от революции, а искал, как и Бакунин после падения Парижской Коммуны, новые, этические основы для революционной и человеческой активности. Крайне жалко, что до сих пор не появились еще собранными его письма после 1917 года. Они были бы крайне полезны для всех, кто хочет учиться на опытах прошлого.

Вот пара выдержек из вышеуказанного письма, которое цитирую по статье Эммы Гольдман — «П. А. Кропоткин», но которое полностью появилось в «Почине» от февраля 1922 года в Москве, издаваемом товарищем Александром Атабекианом, к которому это письмо и другие были писаны.

Каждый из номеров «Почина» Атабекиану стоил много неприятностей с В. Чека и периодических арестов. Несколько из писем Кропоткина тоже попали в руки этого «коммунистического» учреждения.

Вот каковы были причины молчания Кропоткина и каковой была его активность в самый разгар революционного пожара 1917—1920 гг.

«Дмитров 2 мая 1920 г.

«Дорогой Александр!

«Я возобновил свои работы по вопросам нравственности, потому что считаю, что эта работа абсолютно необходима. Я знаю, что не книги создают умственное направление, но совершенно обратно. Но я также знаю, что для разделения этой идеи необходима помощь книги, которая выражает базис мысли в их полной форме. И чтобы положить основание морали, освобожденной от религий, и выше религиозной морали, которая не ждет вознаграждения на нашем свете, необходимо иметь помощь разъясняющих книг.

«Нужда в таких пояснениях чувствуется более настойчиво теперь, когда человеческие мысли борются между Ницше и

Кантом (в действительности мораль Канта была религиозной этикой, хотя и была замаскирована «философией»), т. е. между ницшеанством и христианством.

«Замечательно, что Бакунин 1) (я узнал это недавно), когда он после разгрома Коммуны удалился в Локарно, также почувствовал потребность разработать новую этику. Ктонибудь да сделает это. Но необходимо подготовить почву, и так как умственно вовлечен в поиски новых путей в этой плоскости, то должно, по крайней мере, наметить этот путь.

«Мне не долго жить. Мое сердце делает последние усилия. Сегодня я почти лишился чувств без всякой видимой причины.

«И потому, мой дорогой друг, я сосредоточу все мои силы на изучение этики; я еще больше чувствую, что во времена, переживаемые теперь Россией, нельзя достичь серьезных результатов активностью отдельных личностей. Сотрясение масс велико, — индивидуальное масс недостаточно.

«Я глубоко верю в будущее. Я внутренне убежден, что синдикалистское движение, т. е. рабочих организаций, которые на своем последнем конгрессе собрали предста-

1) Бакунин... под конец своей жизни готовил проект этики. Он видел, что анархическому движению угрожали, вместе с правительствами, и больше чем правительства, честолюбивые карьеристы, искавшие в нем шумную рекламу, чтобы стать потом простыми политиками, а также беззащитные личности, которые во все времена сбивали с истинного пути, эксплуатируя их самые благородные движения. Не будучи моралистом, великий агитатор анархист не допускал, чтобы оскверняли революционный идеал. Та же самая идея воодушевляла Кропоткина, когда он в одном реферате и брошюре провозгласил Анархическую Мораль, стоящую выше всякой религиозной морали, которая ждет вознаграждения на том свете». (Ш. Малашо — «Кропоткин и Бакунин», см. П. Кропоткин, стр. 68—9, изд. 1927 г.

вителей от 20,000,000 рабочих, сыграет в течение какихнибудь 50 лет громадную роль в образовании коммунистического безначального общества.

«Я также верю, что в организации коммунистических общин в крестьянстве, кооперативное движение — особенно русское крестьянское кооперативное движение — будет в последующие 50 лет служить творящим ядром коммунистической жизни, без какойлибо примеси религиозного характера.

«Я глубоко верю в это. Но я чувствую, что для того, чтобы запечатлеть эти два движения с жизненной силой, чтобы дать им форму, развить их, подготовить твердый базис для них и помочь им трансформироваться из орудия самозащиты в могущественное средство для реорганизации общества на принципах коммунизма, — требуется сила моложе моей — и особенно кооперация из среды рабочих и крестьянства. Эти силы будут найдены. Они уже есть в обоих движениях, хотя они еще не сознают своей миссии. Они еще не уяснили сами себе, что они еще не прониклись идеалом коммунизма...» (См. Сборник Кропоткина, изд. Москва, 1921 г. стр. 121).

Еще более ясно объясняет позицию П. Кропоткина в русской революции его ближайший и интимнейший друг последних лет его жизни — Александр Атабекин, писавший к которому цитировалось выше. Особенно же взгляды Кропоткина на роль и значение морали в социальной революции.

«...когда историки русской революционной мысли останавливают свое внимание на последних годах жизни П. А. Кропоткина, их поразит одно явление: Кропоткин, который посвятил 50 лет своей жизни научному обоснованию и проповеди социальной революции; Кропоткин так отзывчивый к текущим событиям, Кропоткин, глубокий старец с хрупким здоровьем, нашедший лично выслушать на Всероссийском Съезде (1917 г.), — вдруг, в полный разгар социальной революции, находясь в самом огне ее, замозкает и посвящает все свои силы, главные свои помыслы... научной

разработке этики.

«Казалось бы не может быть более ясной измены делу, которому он служил всю свою долгую жизнь. А между тем, это было поразительным проявлением чуткости гения, предугадывающего опасности завтрашнего дня, грозящие заветной задаче коренного обновления общества, — для социальной революции.

«Эта опасность уже видна всем зрячим, она пагубнее для возрождения нашей жизни, чем загнанная внутрь бурлящая злоба «белых», и крутой нажим «красной» власти. Эта опасность — та моральная неразборчивость в средствах, на почве которой вчерашние, заклятые враги нашли общий язык... хотя различными путями, но победители и побежденные сошлись на политическом аморализме...»

Случилось это «по той простой причине, что политика, т. е. государственные приемы воздействия на общественную жизнь, исключает этику.

«Генерль по справедливому замечанию Кропоткина, люди бьются между аморализмом Ницше и по существу религиозным предопределением Канта. Суть дела не изменяется от того, что на место индивида сверхчеловека подставляется коллектив, класс, якобы избранный данной исторической ступенью развития. Другие же признающие религиозное предопределение, говорят «о воле истории и революции», чтобы этим путем заглушить невольное возмущение совести против вопиющих жестокостей, якобы «неизбежных спутников гражданской войны», против смертной казни, требование отмены которой, в конце концов, сами же называют «наивной маниловщиной»...

«Это могло произойти потому, что символ веры древней римской государственности: благо республики — высший закон, современные социалистические партии переняли, видоизменив слегка устами Плеханова в благо революции — высший закон.

Именно поэтому «Кропоткин взялся за писание этики», но «не новую веру и новую политическую необходимость возвещает анархизм Кропоткина, а новую этику...

Потому что «если религия есть опium для народа, яд усыпляющий его страдания, то политика — отравы, яд причиняющий ему мучение...» (А. Атабекян — «Этика и политика», см. «Почин», Москва № 4—5 от 1922 г. стр. 8—11).

Не менее категоричен в объяснении причин, которые привели Кропоткина к тому, чтобы в разгар революции отделиться от Этики, его другой близкий друг и духовный наследник, Николай Лебедев:

«Свою работу по Этике П. Н. считал нужным и революционным делом...

«Реалист и революционер П. К. смотрел на Этику не как на отвлеченную науку о человеческом поведении, но видел в ней, прежде всего, конкретную научную дисциплину, цель которой состоит в том, чтобы вдохновить людей в их практической деятельности. Кропоткин видел, как люди, даже называющие себя революционерами и коммунистами, морально неустойчивы, как у большинства из них нет руководящей моральной идеи, высокого морального идеала. Он не один раз говорил, что может быть, именно вследствие отсутствия этого возвышенного, морального идеала русская революция и оказалась безцельной: создать новый общественный строй на началах справедливости и свободы; и замечь другие народы революционным пламенем, как это было в эпоху Великой Французской Революции и Революции 1848 года.

«И он, старый революционер — бунтарь, все мысли которого всегда были сосредоточены на мыслях о счастье людей, думал своей книгой об этике вдохновить молодые поколения на борьбу, вселить в них веру в справедливость социального переворота и зажечь в их сердцах огонь самопожертвования на пользу своих близких, убедить людей, что «счастье не в единоличном наслаждении, не в эгоистических, хотя бы и высших радостях, но в борьбе за правду и справедливость среди народа и за одно с народом...»

«Он указывал, что все мы, к какому бы классу или партии не принадлежали, прежде всего, люди, и являемся частью общего животного вида, человека. Род ho

mo sapiens от самого некультурного европейца до бушмена, и от самого рафинированного «буржуа» до последнего «пролетария», несмотря на все различия, представляет одно логическое целое. И в своих построениях будущего общества Кропоткин мыслил просто людей — без той папашки социальной табели о рангах, которая густым слоем насажена на всех нас за время длинной исторической жизни человечества...» (Н. Лебедев — «Послесловие к Этике», см. «Этика» Кропоткина, изд. Москва, 1922 г., стр. 255-256).

Но сам Кропоткин излагает довольно ясно в своей Этике его понимания о роли и значении морали в идеях и в общественных и идейных движениях, доходя до утверждения, что все революционные социалистические и анархические движения, так же как и вообще рабочие, крестьянские и народные движения в своей сущности суть явления этического характера:

«Взаимопомощь — справедливость — нравственность — таковы последние шаги восходящего ряда настроений, которые мы познаем при изучении животного мира и человека. Они представляют органическую необходимость... Говоря образным языком, мы имеем здесь всеобщий, мировой закон органической эволюции: вследствие чего чувства взаимопомощи, справедливости и нравственности глубоко заложены в человеке, со всею силою приращенных инстинктов...

«Подобно потребности в пище, убежище и сне, эти три инстинкта представляют инстинкты самосохранения. («Этика», изд. Москва, стр. 26).

«Потребность в реалистической этике чувствовалась с первых же лет научного Возрождения... То-же стремление найти реальную основу нравственности проявляется с еще большей силою в 19-ом веке...

«Две теории нравственности, позитивизм Канта и утилитаризм Бентама, оказали, как известно, глубокое влияние на мышление нашего века; причем, учение Канта изложило отпечаток на все научные исследования, составляющие гордость сов-

ременной науки. От них также берет начало целая группа производных систем, так что почти все выдающиеся современные работники по психологии, теории развития и антропологии обогатили литературу по этике более или менее самостоятельными исследованиями высокого достоинства... Наконец нужно также упомянуть о возникновении множества этических обществ для широкой пропаганды учений о нравственности, основанных на религии. И одновременно с этим громадное движение, экономическое по существу, но в сущности глубоко этическое, началось в первой половине 19-го века под названием фурьеризма, оуэнизма, сен-симонизма, и, несколько позднее, — интернационального социализма и анархизма. Это движение, все более и более разрастающееся, стремится при участии рабочих всех стран, не только пересмотреть коренные основы всех нравственных понятий, но и переустроить жизнь так, чтобы в ней могла развернуться новая страница нравственных понятий в человечестве» (Этика, стр. 7—8).

Было бы трудно изложить позицию Кропоткина в российской революции лучше, чем это сделал он сам и его ближайшие друзья.

Кропоткин всегда был верен самому себе и всегда руководился правдой, и как

человек высокой нравственности излагал всегда то, что он видел и то, что он думал, рискуя часто оставаться временно даже одиноким и непонятым. Поэтому что для него «любовь к истине уже составляет добрую половину — лучшую половину — всякого нравственного учения». (Этика, стр. 18).

И будучи верен «что благосостояние и счастье ни целого народа, ни отдельного класса не могут быть основаны, даже временно, на угнетении других наций, классов или рас, Кропоткин отдался изучению основных баз этики, которые бы сделали возможным «создать в обществе такую атмосферу, чтобы большинство вполне импульсивно, т. е. без колебаний, совершало бы именно те поступки, которые ведут к благосостоянию всех и к наибольшему счастью каждого в отдельности». (Этика, стр. 22).

«Так как никакое новое движение не совершалось без пробуждения, некоторого энтузиазма, необходимого для того, чтобы преодолеть косность умов, то основной задачей новой этики должно быть внушение человеку идеалов способных пробудить энтузиазм и дать людям силы для проведения в жизнь того, что сможет объединить личную энергию с работой на благо всем».

Анатолий Горелик.

Буэнос Айрес. 1935.

ВРАГУ

Ты можешь связать мои руки,
Повязку надеть на глаза, —
От скорби, от боли, от муки
Стечет к подбородку слеза...
Ты можешь убить мое тело,
Из ружей его расстрелять,
Ты можешь мой труп посылать
До-сыта штыками терзать.
Останки голодным собакам
Ты бросишь: ты можешь — ты зверь;
Но помни: — я умер свободным,
А ты — мой невольник теперь.
К тебе полуночной порою

Начну я стучаться в окно,
И молча стоять за спиной
Я буду лишь станет темно.
Ты в шуме ночной непогоды
Мой голос знакомый найдешь...
В подземные тайные ходы,
Палач, от меня не уйдешь.
Стреляй же, терзай без пощады:
Не рвется предвечная нить...
Со мной золотая усада:
Свободной души не убить.

Б. Верхоустинский.

ПРИЧИНЫ ПОБЕДЫ ФАШИЗМА

Физическая сила может одержать верх над моральной, может даже уничтожить цивилизацию, если эта последняя не сумеет защищаться от наступательного возврата варварства верными средствами.

Всякое дикое животное может растерзать лучшего человека, будь он гением, каким-нибудь Галлилеем или Леонардо, если он достаточно наивен, чтобы думать укротить животное, показывая ему произведение искусства или сообщая ему о научном открытии.

Все же скотству трудно восторжествовать и, во всяком случае, его успехи не всегда являются общими и продолжительными, если ему не удастся получить известное одобрение, если культурные люди принимают его за то, что он собой представляет, и если, даже будучи безсильными его победить, они избегают его, как нечто отвратительное и отталкивающее.

Фашизм, являющийся квинт эссенцией реакции и воскрешающий всю, заснувшую было, жестокость древних времен, победил потому, что он имел финансовую опору жирной буржуазии и материальную помощь разных правительств, рассчитывавших воспользоваться им против близкой угрозы пролетарского наступления; он победил, потому, что ему противостояла утомленная, разочарованная масса, ставшая неспособной к борьбе благодаря 50-ти летней парламентской пропаганде, но, главным образом, фашизм победил, потому что, если его насилия и преступления и вызвали ненависть и чувство мести в жертвах, они все же не вызвали того общего осуждения, того возмущения, того нравственного ужаса, которые, казалось бы, должны были сами собой зародиться в каждой благородной душе.

А, к несчастью, восстание тогда не возможно, когда ему не предшествует моральное возмущение.

Скажем же откровенно, как бы то ни было больно подтверждение этой истины, что есть фашисты даже вне фашистской партии, во всех классах, во всех партиях, т. е. повсюду есть личности, которые, не будучи вовсе фашистами, будучи даже антифашистами, все же обладают душою фашиста, тем же желанием угнетать, которое отличает фашистов.

Нам, например, приходится встречать людей, называющих себя и верящих, что они революционеры и даже увь, анархисты, — и эти люди для разрешения какого-нибудь вопроса утверждают с очень глубокомысленным видом, что они будут действовать «по фашистски», не зная или же зная слишком хорошо, что это значит нападать, не заботясь о справедливости, когда есть уверенность, что не подвергнешься никакой опасности, либо сам будучи значительно сильнее, либо будучи вооруженным против безоружного противника, либо будучи в большинстве против одного, либо пользуясь защитой официальной власти, либо зная, что тот, на кого нападаешь, не станет доносить — одним словом, это значит действовать, как убийца и как полицейский.

Сущая правда то, что можно действовать, что действуют часто «по-фашистски» без того, чтобы записаться в фашистскую партию и что, конечно, не те, которые действуют или предполагают действовать так «по-фашистски», смогут вызвать моральное возмущение, чувство отвращения, которые, наконец, убьют фашизм....

Э. МАЛАТЕСТА.

Профессиональное и кооперативное движение в Швеции

(Специально для «Пробуждения»)

Швеция — небольшая страна на скандинавском полуострове, расположенная между Норвегией и Финляндией. Территория — 390 тысяч кв. миль. Население — 6,500,000 душ. Страна преимущественно сельскохозяйственная. Производство знаменитого сыра и спичек, лесопромышленность и рыболовство, а после Мировой Войны — производство бумаги и машин для пишущих машин является главным промыслом страны.

Стокгольм, один из красивейших и живописнейших городов Европы с населением в 600 тысяч душ, расположенный «среди мостов», 13-ти островов и 9-ти извилистых рек, является не только столицей небольшой Швеции, но также и центром организованного профсоюзного и кооперативного движения.

ДЕМОКРАТИЯ ШВЕЦИИ

Швеция — одна из свободных буржуазно-демократических стран, подобно Англии или Сев. Америке, во главе с коронованным, но с ограниченной властью, королем, как в Великобритании. В шведском парламенте много умеренных либералов и социалистов — меньшевиков. Свобода слова, печати, собраний и организации предоставляется всем, в том числе и большевикам. Существует частная собственность, следовательно есть господа и рабы, эксплуататоры и эксплуатируемые. А раз имеются хозяева и наймиты, следовательно, имеются классы, ведущие между собой непрестанную борьбу.

Национализация почты, железных дорог, водных промыслов, авиации, контроль банков и торговли в стране, проведенные в последние три десятка лет, далеко не удовлетворяют трудящихся, стремящихся к полному раскрепощению и господству над всеми богатствами в стране.

Национализация и некоторое ограничение наживы капиталистов, алчность которых не знает границ, облегчают немного положение трудящихся, но не дают им

всех тех благ земных, которые по праву должны принадлежать всем, а не отдельным лицам, или «рабочим» министрам с большими окладами жалованья.

Вот почему лучшие передовые люди, знающие нужды всех людей, всегда стремились и продолжают стремиться к тому, чтобы изжить тысячедов — богатей, завладеть и передать накопленные богатства всему народу.

В то время, когда в других странах эксплуатируемые классы продолжают ждать у моря погоды, перенося все тяжести капиталистического строя и промышленного застоя, в Швеции эти эксплуатируемые классы перестают ждать от кого бы то ни было помощи, они организуются и объединяются в профессиональные союзы и кооперативные организации.

ПРОФСОЮЗЫ ШВЕЦИИ

Профессиональное движение в Швеции возникло вскоре после образования в Европе 1-го Интернационала, организованного Бакуниным и Марксом. В 1898 году было положено начало организации Федерации Союзов Швеции. С тех пор профсоюзное движение заметно растет и процветает.

В профсоюзном движении Швеции имеются, конечно, как и в других странах, — правые, умеренные и левые. Но профсоюзы Швеции пошли и идут в последние годы по иному пути. Пути эти взаимопомощь и кооперация городского рабочего с крестьянином. И в этом отношении сделано очень много шведами. Сама жизнь заставила это делать.

Когда в России и Германии возникли революции, организованные шведские рабочие и крестьяне, прежде чем встать на путь революции, послали своих надежных представителей для изучения этих революций. Когда большевики захватили власть в свои руки в России и начали направлять революцию по ложному пути, ведуще-

му не к свободе и самоорганизации трудящихся города и деревни, а к диктатуре лидеров партии над народом, а меньшевики в Германии занимали министерские кресла и убаюкивали пролетариев разными обещаниями, шведские делегаты, возвратившиеся из России и Германии, докладывали о ходе революций правду, и шведские рабочие учли уроки русских и немцев и не пошли по ложному пути. Они увидели, что большевизм несет не раскрепощение и свободу трудящимся, а еще худшее закрепощение и гнет для рабочих и крестьян, чем в капиталистических странах. Это видно теперь, на 18-ом году власти большевиков в России.

Статистика показывает, что шведские рабочие и крестьяне лучше организованы в последние годы, чем рабочие и крестьяне в других странах.

В 1930 году Генеральная Федерация Профсоюзов Швеции объединяла 37 областных федераций с количеством около 336 тыс. рабочих, составляющих около половины рабочих в стране.

Имеются и независимые союзы, не входящие в Ген. Федерацию. Федерация мелких хозяев объединяет 2,500 человек, правительственная организация, возникшая во время кризиса, подобно Рузвельтовской Эи Дй Эре, объединяет около 450 тысяч рабочих: для последних установлена минимальная заработная плата и рабочая неделя в 48 часов. Шведская государственная власть признала то, что было завоевано организованными рабочими еще в 1921 году.

Большое влияние оказывают на профсоюзное движение Швеции синдикалисты-анархисты. Они выступают с резкой критикой государства и большевиков, последователей Сталина, которые, кстати сказать, не пользуются влиянием в среде шведских рабочих.

В рядах синдикалистов находится свыше 40,000 организованных рабочих, сознующих свои цели и задачи. Имеется свыше 5,000 организованной молодежи, готовой бороться за полную свободу, братство и равенство.

Движение это с каждым годом растет и крепнет. Бездействие правительства улучшить положение рабочих, с одной стороны и банкротство большевиков - марксистов в России, с другой, дает синдикалистам силу и мощь в борьбе за полное раскрепощение трудящихся. Это движение пока находится в меньшинстве, но с каждым годом растет и крепнет. Прямая борьба синдикалистов с капиталистами, государством и фашизмом по духу ближе к рабочим и крестьянам и последние прислушиваются к пропаганде подлинных безвластных революционеров, какими являются анархисты.

Недавно состоялся съезд левых профессиональных союзов Швеции, в котором принимало участие свыше 700 отделов. Среди делегатов оказалось только три от большевиков. Съезд высказался против всякой войны, осудил большевизм и фашизм и вынес резолюцию за генеральную стачку, если начнется какая бы то ни была война.

Революционные синдикалисты имеют сильное влияние на профсоюзное движение в Скандинавских странах — Швеции, Дании, Норвегии и Швейцарии.

Шведские крестьяне также организованы в производственные и потребительские кооперативы, разбросанные по всей стране.

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ И ГОРОДСКИЕ КООПЕРАТИВЫ ШВЕЦИИ

Подобно городским рабочим, шведские крестьяне организованы в производственные и потребительские кооперативы. Таких кооперативов насчитывается по всей крошечной стране огромное количество, в которых принимают участие миллионы членов. Всех кооперативных организаций насчитывается свыше 1,200, в том числе молочных — 700, по сбыту яиц — 300, фруктовых — 500, мясных — 25 и т. д.

Также имеются кооперативы: одежные, обувные, бакалейные, строительные, баньковский, Страховой, образовательный и проч.

Многие шведские кооперативы объединены в федерацию, называемую «Коопе-

ративный Фарбундет». В эту федерацию входит также кооператив оптовых закупок и продажи. Последняя широко распространена за пределами Швеции — в Дании, Норвегии и Финляндии. Эта кооперативная организация имеет свои собственные фабрики и склады. Производство электрических лампочек находится в руках этой кооперативной организации, которая снабжает своими лампочками все Скандинавские страны.

Благодаря кооперативному производству цена на электрические лампочки снижена в последние несколько лет с 37 до 20 центов. Таким образом производство лампочек монополизировано кооперативами.

«Кооперативный Фарбундет» издает в Швеции ежедневную газету «Консулент», которая считается самой распространенной в Швеции. Статистика показывает, что 550,000 лиц — члены этой кооперативной организации, объединенные в К. Ф. Иначе говоря, около одной трети населения страны объединено в К. Ф.

Около 10 проц. всей торговли Швеции — кооперативное производство. В бакалейной, обувной и одежной торговле Швеции кооперативы охватывают около 40 проц. И с каждым годом кооперативное движение все больше растет и крепнет, проникая и охватывая все отрасли производства и сбыта товаров.

Шведские кооперативы придерживаются основных принципов кооперации: 1) добросовестность товаров, 2) правильные веса, 3) умеренные цены, 4) получение товаров непосредственно от фабрик, 5) кооперативное производство и 6) снабжение потребителя собственным кооперативным продуктом.

ДЕПРЕССИЯ И КООПЕРАТИВНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Мировая промышленная депрессия охватила Швецию так же, как и другие страны. Летом прошлого года безработных в Швеции насчитывалось свыше 100,000 чел. Часть из них временно устраивалась на разных общественных работах, а остальная часть получала помощь от городских

и федеральных властей. Многие из безработных или работающих нерегулярно, не в состоянии были нанять квартир. Домовладельцы не хотели считаться с народной нуждой и безденежьем. Казалось, положение было безвыходным в первые годы депрессии. Но провидительный ум человека сумел разрешить и эту, казалось, неразрешимую задачу.

На третьем году острой депрессии возникло кооперативное строительное движение, впоследствии разросшееся в большую и сильную строительную организацию, давшую многим безработным работу и квартиры. Мысль о Домостроительной кооперативной организации в Швеции возникла еще в 1916 году, когда почувствовался сильный квартирный кризис в городах, благодаря усиленной работе для нужд мировой войны, в которой Швеция не принимала участия.

Статистика показывает, что свыше 22,000 новых домов построено в последние годы кооперативной Домостроительной ассоциацией, снабдившей квартирами 60,000 рабочих. И теперь кооперативные дома разбросаны по всей стране, а в Стокгольме их свыше 10 процентов.

На постройку кооперативных домов затрачено около 80 милл. долларов, что составляет 13 долл. на каждого жителя Швеции. Деньги взяты в частных и государственных банках и находятся под контролем государства.

На окраине Стокгольма, среди больших каменных гор, у знаменитой Городской управы, образовался новый город, — колониальный сад, в котором построено свыше 200 новых кооперативных домов от 2 до 4 комнат в каждом. Дома небольшие, деревянные, построенные по последнему слову техники с электрическим освещением, паровым отоплением, горячей и холодной водой, белыми умывальниками, ванной, радио и т. д. При каждом доме имеется небольшой огород, утопающий летом в зелени и цветах. Дома с небольшими верандами и плоскими крышами, служащими летом для отдыха.

Все эти миниатюрные домики распо-

ложены по сторонам зигзагообразных, но гладких и чистых улиц, которые соединены с большими штатными шоссе, по которым часто ходят трамваи и автобусы во все стороны, — в город и за город. В этих кооперативных домах живут профессиональные рабочие, простые рабочие и мелкие государственные чиновники.

Проездом в Россию летом прошлого года я посетил несколько этих кооперативных домов и был просто поражен достижениями новой техники в этих маленьких домах, построенных кооперативами. С 1929 года я посетил целый ряд штатов Сев. Америки и Канады, но нигде не видел такого удобства и роскоши, какие я заметил в кооперативных домах Швеции.

Например, двойные окна в этих домах устроены на пружинах и автоматически поварачиваются так, что хозяйке дома не нужно выходить во двор или перегибаться, чтобы почистить их, она стоит на месте внутри дома и быстро справляется с чисткой стекол. В подвалах построены специальные прачешные, в стенках автоматические кровати и особые отверстия для отбросов, попадающих прямо в печки, где без всяких трудов все сжигается.

Стоимость этих кооперативных домов с небольшими огородами и засаженным молодым садом от 250 до 800 долларов. Срок выплаты — 20 лет. Все налоги, проценты, электричество, газ, вода и радио, соединенное с центральной станцией

в стране, входят в квартирную плату, вносимую раз в месяц. Эта плата не превышает стоимости городской ренты за квартиру такого же количества комнат, но без всех отмеченных новых удобств.

Платя обыкновенную ренту, житель кооперативного дома Швеции через 20 лет выплачивает стоимость дома и позже становится собственником его и огорода при нем. Идея не плохая, полезная, заманчивая. И кооперативные дома с каждым годом растут, как грибы после дождя.

Пример профсоюзного и кооперативного движения Швеции достоин похвалы и подражания. Объединение рабочих в профессиональные союзы, производственные и потребительские кооперативы сплачивает рабочих города и крестьян деревни в одну братскую семью на почве взаимопомощи.

Взаимопомощь и кооперация — крепкий фундамент будущего свободного общества, которое идет на смену рдыхающему и отживающему капиталистическому обществу, построенному на грубой эксплуатации человека человеком. Этому безобразию будет положен конец, когда трудящиеся умственного и физического труда поймут свои интересы и добровольно объединятся в одну братскую семью и начнут жить свободными гражданами, а не рабами, как они живут в настоящее время.

Минский Мужик.

Октябрь. 1935 г.

ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ

В последнее время получают письма в группу «Пробуждение», в которых некоторые тов. горой стоят за объединение с федерацией «Д. Труда», упрекают также в том, что «Пробуждение» не напечатало резолюций конференции, которая состоялась в Нью Йорке при участии некоторых пробужденцев и «Д. Труда». Прежде всего нужно поставить себе вопрос — что понимается под словом объединение? А это не что иное, как то, что две или несколько групп находят общую цель, к которой они могли бы более успешно стремиться, работая объединенно. При самом же договоре рассуждают и выясняют те причины, ради которых эти группы еще не объединялись. И, конечно, если выясняются ошибки той или другой стороны, а именно — что одна сторона имела превратное мнение о другой, и поэтому делала нападки и необдуманные оскорбления против последней, тогда первая сторона должна сказать — придерживается ли она старых своих мнений, или отказывается и заявляет, что она ошибалась в своем мнении в отношении другой стороны. В последнем случае объединение может произойти. Если же первая сторона остается при своем старом мнении и в то же время кричит об объединении, то тут чувствуются диктаторские замашки и «непогрешимость» последней — это не может быть объединение, а захват и подчинение.

«Пробуждение» имело в виду то, что бы выяснить какого именно мнения «Д. трудовцы» о «пробужденцах» в то время, когда говорят об объединении и созывают конференцию в Нью Йорке. И пробужденцы послали письмо, дабы было прочитано на конференции и принято к сведению. В письме выражалось недоумение пробужденцев, и действительно, как то не понять, как это делотрудовцы хотят объединяться с теми, которых они несколько лет в своем журнале грязнили и называли: антисемитами, белогвардейцами, фашистами и т. п. эпитетами. Хотелось спросить — где это все девалось, что вдруг такие «непогреш-

имые» делотрудовцы задумали объединяться с антисемитами и белогвардейцами!

В этом письме было указано в каких ММ «Д. Труда» и как клеветали делотрудовцы на пробужденцев. Но что-же решили на Нью-йоркской Конференции? Было ли сказано хоть чтонибудь, как и что думают Д. Т. о пробужденцах? Не только это не было сделано, но даже ни одного вопроса не было решено из того ряда дня, который имелся на конференции, а все время потратили на обсуждение газ. «Рассвет» — вопроса, которого даже не было в порядке дня.

Осудили «Рассвет» и приняли резолюцию, которую требуют напечатать в «Пробуждении». Что печатать и на посмешище кому, — вообразите только: собрались строить дом и все время убивали на рассуждание о звездах, а кто то другой печатал это и красней от стыда. Вот логика людей, которые делали бы большие дела, только не своими руками.

Из всего этого видно, что делотрудовцы не так уж хотят объединения, как хотят того, чтобы выехать на пробужденцах. Если бы это объединение и случилось когданибудь, то оно не могло бы просуществовать долго, ибо делотрудовцы не замедлили бы употребить те же эпитеты по отношению пробужденцев, которыми они пользовались и до сих пор, говоря, конечно, про себя — мы на вас клеветаем и мы правы, ибо мы объединились с вами, не сняв с вас этих ложных обвинений, и, конечно, такому объединению грош цена, и его не может быть.

Нам могут возразить: да ведь это нужно и необходимо сделать для общей пользы, более успешной работы, ибо где силы большие, — там больше и успешнее работа. Но мы знаем одно, — что сила может быть очень большая, но при всем этом работа может равняться нулю, особенно, когда силы действуют в противоположных направлениях. Но мы ведь и имеем дело с таким явлением — это «делотрудовцы» в погоне за этой «силой» об-

едняются с полубольшевиками и с какими то возвращенцами, которые не имеют определенной цели, а так только «кто в лес, а кто по дрова». Из всего этого получается только шумиха и ненужный крик.

Мы, конечно, говорим о местной группе делотрудовцев; эти люди настолько «революционны», что даже подписывают резолюции с требованием высылки радикалов из С.И. и посылают в штатную легислатуру. Вот с этими-то людьми нам говорят объединяться. Какое же может быть объединение при наличии подобных фактов?

Тут скорее нужно чуждаться таких «революционеров». Чего-же делотрудовцы требуют от пробужденцев? А это — самый капитальный вопрос, над которым они убивали все время на конференции в Нью Йорке — «Рассвет»! Откажитесь от «Рассвета», — кричат они, и все дело у нас с объединением пойдет как по маслу. Но от чего нам, пробужденцам, отказываться, когда мы в газете «Рассвет» никакого участия не принимаем. Все такие требования не имеют никакой здоровой логики. Так и волк ягненок обвинял в том, что последний ему воду мутит и пить не дает.

Мы уже говорили, что при всяком объединении (простая логика требует этого), если в этом есть необходимость, делались уступки с обеих сторон, и заявляли о том, что они делали ошибки, которых в будущем не должны делать. После таких только призываний можно говорить об объединении. Но что же об этом говорят «непогрешимые» делотрудовцы? Они знают только одно — раз вы не хотите с нами объединяться, то вы — контрреволюционеры, и им доказательства не нужны. Как видите, эта «логика» не нова, это — чисто большевистская логика, которой большевики пользуются везде и всюду, чтобы защищать свои шкурные интересы. Еще памятно то время, когда сменовеховец Аршинов пользовался такой логикой для того, чтобы организовать дисциплинированную

анархическую партию. Отсюда, конечно, только один шаг до того, чтобы очутиться в объятиях большевиков, что он, конечно, и сделал.

Очень похожа тактика и делотрудовцев в деле организационном: контрреволюционеры, антисемиты, белогвардейцы, — кричат они. Этот язык они употребляют для агитации в пользу объединения! Хороший подход к этому делу — не правда-ли? Как мы уже говорили, здесь чувствуются замашки диктаторские и само собой разумеется, что на эти выходы приходится смотреть, как на выкрики ненормальных людей.

И несмотря на такой ужасный подход к делу объединения, все таки нашлись некоторые из пробужденцев, которые увлеклись этим языком и идеей объединения. Мы уже сказали, что не всегда и всякое объединение влечет за собой более успешную работу в достижении цели. Очень возможно, что такое объединение умертвит и ту работу, которая сейчас ведется; последнее, по нашему мнению, может скорее всего случиться. Отсюда то и наше неверие в это объединение. Лучше довольствоваться малым и реальным, чем большим и в то же время туманным и сомнительным.

Для того, чтобы случилось объединение нужно, чтобы делотрудовцы изменили свою тактику и язык, и показали бы примером, что они действительно хотят объединения. А для этого нужно отказаться от разных эпитетов, которыми они награждают незаслуженно пробужденцев. Точно также нужно помнить, что главный руководитель «Д. Труда» — синдикалист Макен-мов, который никогда не был и не будет анархо-коммунистом, что опять таки представляет не малую трудность в деле объединения.

Пробужденец

И. Ф.

АЛЕКСАНДР ЧЕРНЯКОВ.

Что такое анархическая социальная революция?

Анархическая Социальная Революция — дело недалекого будущего.

Что же такое анархическая Социальная Революция?

Анархическая Социальная Революция, это метод, способ, вернее, средство осуществления анархического идеала.

Это средство осуществления мечты угнетенных масс, — полного освобождения и полного раскрепощения от политического и экономического рабства.

В нашей анархической литературе, П. А. Кропоткин, написавший Историю Великой Французской Революции, дал начальное понятие о сущности Социальной Революции. А наша Русская Октябрьская, 1917 года, Революция даст новый богатый материал для ответа на вопросы — Что такое анархическая Социальная Революция?

Отвечая на вопрос, что такое Анархическая Социальная Революция, мы, тем самым раскрываем сущность анархизма, точнее, сущность анархического коммунизма.

Анархическая Социальная Революция — это вооруженное восстание угнетенных масс против своих угнетателей.

Это — последняя и окончательная война вечной войне между трудом и капиталом, между властью и безвластием, между государством и свободным обществом.

Это — окончательная победа пролетариата, трудового крестьянства и трудовой интеллигенции, победа поработенных классов над поработителями.

Анархическая Социальная Революция — это — основное и окончательное потрясение всех основ современного властнического, государственного, буржуазного, капиталистического, демократического, фашистского и всякого иного строя, то-есть и советско-властнического (большевизмо-коммунистического), государственно-коммунистического. Уничтожение всякой власти и классов, вплоть до диктатуры пролетариата.

Анархическая Социальная Революция — это начало и конец практического уничтожения власти, собственности и государства. Уничтожение религии, милитаризма, полиции, жандармерии, духовенства, буржуазии, аристократии, армий и классов, само собой разумеется, что не физическое и поголовное истребление личностей, а уничтожение как экономических и политических властнических категорий, как классов. Уничтожение войн и всякого рода преступлений и наказаний.

Но так как Анархическая Социальная Революция встретит на своем пути жесточайшее сопротивление со стороны ее врагов, хорошо организованных и вооруженных, по последнему слову техники и военной химии в лице государства и власти, со всеми их атрибутами, способами, учреждениями, насилия, вплоть до всех властнических политических партий, то Анархическая Социальная Революция может быть длительной и многокровной.

Оно вполне просто и понятно, ибо Анархическая Социальная Революция, последняя, окончательная и победная война всем войнам и международному милитаризму.

Анархическая Социальная Революция делится на три периода:

1. Разрушительный период;
2. Созидательный период; и
3. Заключительный период.

(Анархизм — анархический коммунизм).

Осуществление и процесс Анархической Социальной Революции это еще не анархизм. Это не анархический строй, не анархический коммунизм. Это лишь революционно-творческий процесс борьбы и схваток противоположных сил и интересов. Это — период наступлений, битв, беспощадных схваток, поражений и побед.

РАЗРУШИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД

В разрушительный период, то-есть в первый день Анархической Социальной Революции, силы ее противников, или точнее,

силы сопротивления будут огромны.

Противники Анархической Социальной Революции будут иметь на своей стороне всю науку и технику современного вооружения. Единственной же положительной силой в первый день Анархической Социальной Революции будет инициативное революционное руководящее меньшинство (авангард Анарх. Соц. Революции), это наши анархические организованные ряды трудящихся, в лице Федерации Анархо-коммунистических и анархических групп, организаций и союзов. Но эта наша анархическая руководящая сила инициативного меньшинства будет единственно революционно творческой, единственно действенной, берущей на свою ответственность судьбу Анархической Социальной Революции.

Наибольшая же положительная и огромнейшая сила Анархической Социальной Революции, залог ее победы и торжества, энтузиазм и желание рабов полного своего освобождения от всякого рабства.

Но эта, ее огромнейшая и положительнейшая сила должна быть заранее подготовлена в дореволюционный период пропагандой анархических идей среди пролетариата и трудового крестьянства.

Разрушительный период Анархической Социальной Революции самый ответственный период для нас, анархистов, и чреват всякими последствиями. Мы, анархисты, не должны закрывать глаза на то, как показал опыт Великой Русской Революции, что если Анархическая Социальная Революция будет происходить в одной какой либо стране, то она кроме сопротивления внутренних своих врагов, будет иметь еще более сильных, и более организованных, и лучше вооруженных внешних врагов. Ибо Анархическая Социальная Революция не избегнет нападения внешних капиталистов, буржуазии и правительств иностранных государств, не избегнет интервенции.

Анархисты в этот наиважнейший разрушительный период Анархической Социальной Революции должны играть руководящую роль. Мы должны организовать, т. е. содействовать организации вольной

партизанской революционной армии, вооруженной с ног до головы. Все эти партизанские классовые революционные отряды, создаваемые самими рабочими и крестьянскими массами, при анархическом содействии и участии, в которых анархическая идеология должна быть руководящей, должны быть объединены между собою федеративно и конфедеративно, по всей стране охваченной Анархической Социальной Революцией, ибо в этом лежит залог успехов и побед Гражданской войны и верный путь Анархической Социальной Революции до полного торжества Анархического Коммунизма.

При нашей непосредственной анархической помощи, при нашем активном анархическом участии, восставшие революционные массы организуют тыл, т. е. производство, распределение, потребление, снабжение продовольствием и всем необходимым.

СОЗИДАТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД

На восставшем вооруженном пролетариате и трудовом крестьянстве лежит великая ответственность за успехи Анархической Социальной Революции как в Разрушительный период, так в особенности в период Созидательный, а так-же на всем нашем организованном анархическом движении, и на каждом анархисте в отдельности.

Созидательные силы Анархической Социальной Революции колоссальны и могучи.

Главными созидательными силами Анархической Социальной Революции являются трудовые организации, организации революционных трудящихся масс, различные трудовые общества и их объединения; ассоциации, коммуны, трудовые артели, коллективы, свободная и независимая рабочая и крестьянская потребительская и производственная кооперация, производственные союзы, фабрично - заводские комитеты, домовые комитеты, уличные советы, квартиры, городские, сельские, деревенские, губернские и областные, разные научные общества, союзы свободных про-

фессий, инженеров, врачей, писателей, художников, учителей и преподавателей, архитекторов, техников, бухгалтеров, артистов и изобретателей и специалистов разных отраслей и знаний, их съезды, конференции, совещания, представительства и делегатства, делегатские собрания, крестьянские сходы и ветевые самоуправления.

Все вместе взятое будет укрепляться, совершенствоваться, раз'ясняться, разбираться и усваиваться свободным словом и печатью, лекциями, рефератами, докладами, митингами, лётучками и разного рода собраниями и при участии рабочих свободных и независимых синдикалистов, бабрично заводских комитетов, их федеральных и конфедеральных объединений, съездов, совещаний; при помощи, содействии, участии и сотрудничестве свободных союзов инженеров, техников, химиков, механиков, врачей, работников умственного труда, все существующие фабрики и заводы, шахты, доки и мастерские, водные, сухопутные и воздушные пути сообщения и транспорта, как почта, так и телеграф и радио; все производство восставшей страны приспособит, перестроит для нужд и потребностей Анархической Социальной Революции.

Приспособят, переделают и перестроят для всех необходимых нужд, потребностей и запросов восставшей страны, для нужд и потребностей освобожденного общества.

Организации восставших революционных масс — домовые, уличные, в квартирные, городские комитеты и их федеративные и конфедеративные объединения производят распределение жилищ, озаботятся их благоустройством и с успехом разрешат наболевший жилищный вопрос.

При содействии и помощи Потребительской свободной кооперации и Производственного союза пиццевиков будет так-же успешно разрешен вопрос продовольствия и распределения.

Производственные союзы плгы с союзами и артелями портных и портних совместно с потребительской кооперацией озаботятся вместе с производственными союзами и артелями сапожников, снабжением

и распределением одежды и обуви в освобожденном обществе.

Синдикаты транспорта, наладят транспорт и снабжение всем необходимым совместно с Всеобщим Союзом Вольной Свободной Кооперации и Земельно - крестьянскими союзами и объединениями.

Синдикаты горняков, угольных коней, нефтяных источников, совместно с трудовыми артелями лесных заготовок, союзами деревообделочников обеспечат всех топливом.

Вольные и свободные, независимые крестьянские трудовые революционные союзы и объединения, крестьянская производственная и потребительская кооперация, трудовые революционные артели кустарей - производителей озаботятся обеспечением свободного общества, городов, сел и деревень сельско - хозяйственными продуктами и изделиями.

Союзы и объединения, федеративные и конфедеративные, деревень, сел, городов, губерний, областей, при помощи съездов, совещаний, конференций обеспечат полную и всестороннюю свободу нового общества, построив его на принципе добровольных договоров и взаимной помощи.

СВОБОДА — залог успеха Созидательного Периода Анархической Социальной Революции.

Но везде и всюду, во всех организациях, союзах, объединениях, во всех общественных начинаниях, кроме нашего анархического активного участия, необходимо самое главное руководящая анархическая идея. Необходима руководящая идея анархизма - коммунизма.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Анархическая Социальная Революция, пройдя первые два периода, завершит уничтожение власти, собственности и государства.

Все учреждения и функции государства будут заменены свободными коммунами, союзами и объединениями восставших революционных масс.

Анархическая Социальная Революция уничтожит деление людей на классы, на

белую и черную кость и на рабов и на господ с первого дня своего возникновения.

Уничтожив частную собственность, Анархическая Социальная Революция положит конец денежной системе, копец купле и продаже, найму и эксплуатации, введи с первого дня принцип взаимных услуг и добровольного сотрудничества.

Все принадлежит всем и никому в отдельности. Тем самым она сразу осуществит лозунг анархического коммунизма — от каждого по его способностям и каждому по его потребностям.

Таким образом, уже в начале третьего заключительного периода Анархическая Социальная Революция освободит общество окончательно от экономического и политического рабства.

В заключительный период исключительно и только лишь силами освободившегося народа, в лице рабочих и крестьянских организаций Анархическая Социальная Революция дойдет до конечной своей цели, до анархического коммунизма. Силой восставшего революционного народа, класса рабочих и крестьян, совместно с трудовой интеллигенцией, взявшего на себя целиком, только лишь на себя и ни на кого больше, всю ответственность за судьбу Анархической Социальной Революции, эта революция полностью проведет великий принцип самоуправления масс.

В заключительный период революционные трудовые массы, при непосредственном участии анархистов, во всех областях революционной деятельности, во всех классовых рабочих и крестьянских организациях Анархическая Социальная Революция сумеет организовать свободные самоуправления, самоуправляющиеся города, села, деревни, местечки, области, губернии и округа. Создаст свободную промышленность, производство и производительность которой будет определяться лишь мерою спроса, необходимостью потребления, объем которого определяется данными статистики.

В целях учета потребностей всего населения революционной страны организуются свободные независимые экономическо-

статистические совещания, комитеты и бюро.

Земельный вопрос будет разрешен таким образом, что вся земля будет принадлежать всем, всему свободному обществу и никому в отдельности.

Земледельцы организуются на коммунистических принципах. Организуются сельские и деревенские коллективы, земельные коммуны, по примеру городов и городской промышленной индустрии. Все продукты земли принадлежат всем и поступают в общественное пользование, в общественные склады. Среди трудового крестьянства, как среди пролетариата городов, возникнут самые разнообразные общества, для взаимопомощи, взаимоотношения между пролетариатом и трудовым крестьянством в целях реализации взаимно-услуг, обмена и распределения промышленности городов и земледелия.

Машинизация и электрофикация промышленности как городской, так и сельско-хозяйственной, земледелия и земледобротки, приведет к полному освобождению человека и общества от тяжелого труда, в первую очередь от неприятной работы, и к полной победе человечества над силами природы.

Лишь при анархическом строе, анархическом коммунизме, человечество победит силы природы и заставит их служить себе самым широким образом.

Продукты городской промышленности, как и земледелия поступают в коммунальные кооперативные распределительные пункты, склады, из этих общественных коммунальных складов общественная кооперация будет снабжать каждого всем необходимым.

Примеру страны, вступившей на путь Анархической Социальной Революции, последуют и остальные страны. И вот только тогда, когда Социальная Анархическая Революция во всех странах мира переживет и пройдет все свои фазы, а главное, вышеописанные периоды победоносного своего шествия, человечество встанет на грань анархического строя, на грань анархического коммунизма.

СТИХИ, ВОЗЗВАНИЯ И ДРУГИЕ СООБЩЕНИЯ

Ко всем анархистам и сочувствующим

Уважаемые друзья и товарищи!

Наше анархическое движение в Америке, Канаде и Южной Америке пользовалось широким влиянием среди трудящихся масс в течение целого ряда лет. Но с провалом русской революции, с провалом тех великих анархических принципов, которые несла в своих широковещательных лорывах русская революция, русское анархическое движение в Америке, Канаде и Южной Америке начало выказывать симптомы дегенерации. Начала падать общая сплоченность, общая попытка, стремление и желание во что бы то ни стало держать черное знамя на достойной высоте. Появились «единицы», а за ними делотрудовцы, последние внесли в ряды анархического движения склоку, сменовеховщину, разные уклусы и перегруппировки, расплывчатость и даже тягу некоторых к большевизму, национализму - фашизму, демократизму, республиканизму и т. д. Нет теперь общего единодушия, которым когда-то дышала анархическая среда в Америке, Канаде и Южной Америке. Нет общих стремлений и побуждений к анархизму.

Теперь некоторые, бывшие анархисты под тяжелым напором этих темных туч

Анархия, анархический строй, анархизм - коммунизм даст всему человечеству раскрепощение — экономическое и политическое, и даст ему полную победу над силами природы.

Анархизм - коммунизм — конечная цель рабочих и крестьян, а Анархическая Социальная Революция — их средство, метод и способ осуществления анархического строя, — анархического коммунизма.

Все в ряды широкого рабочего и крестьянского анархо - коммунистического движения для скорейшего достижения конечной цели светлого идеала — анархического коммунизма!

Александр Черняков

Монтевидео. 1935.

большевизма, фашизма, церкви и шовинизма, дошли до небывалой крайности: некоторые стали посещать церковь, агитировать за выборы того или другого политикана. Делотрудовцы были анархо-большевиками, а когда Аршинов переключался к большевикам, они стали синдикалистами, а интересно знать, чем они станут, если Максимов уйдет? Стремление многих анархистов стать у руля общественно-колониального корабля в Америке, Канаде и Южной Америке внесло полную дезорганизацию в наше анархическое движение. Мы, издающие журнал «Пробуждение», остающиеся верными идее анархизма, как и всегда, стремились и стремимся предупредить это страшное крушение. Мы всеми силами стараемся пресечь корень шовинизма на теле анархических идей. Но без вашей помощи сделать этого мы не можем, а поэтому мы обращаемся к вам, анархисты и сочувствующие, помочь нам провести благие (по нашему мнению) начинания в жизнь. Мы считаем, что сейчас наступило время, которое требует от нас более интенсивной и более энергичной работы в пропагандировании анархических идей. Необходимо, даже обязательно, расширение сферы влияния нашего движения среди широких рабочих и крестьянских масс Америки, Канады и Ю. Америки. Необходимо дать отпор большевикам, фашистам, церкви и вообще мракобесам, а также делотрудовцам, которые вот уже более десяти лет клеветают, что мы — мистики, монархисты, антисемиты, националисты, безлошаднейцы и т. д., которые расставляют свои сети во всех уголках и стараются разорить наше славное анархическое движение и закрыть единственный анархический журнал «Пробуждение».

Поэтому мы апеллируем к вам, анархисты, раньше всего и прежде всего организуйте группы анархистов, которые стремились бы к расширению и углублению анархизма.

ГОСУДАРСТВО, КАПИТАЛИЗМ И ВОЙНА

Со времени прекращения «последней» мировой войны прошло уже семнадцать лет, но несмотря на такой долгий период, мир все еще не знает настоящего мира. К несчастью народов, капиталистические государства все больше и больше готовятся к новой войне, может быть, более ужасной и смертоносной, чем закончившаяся война 1918 года. Капиталистически - фашистские державы — особенно Германия, Италия и Япония — делают последние приготовления к предстоящей человеческой бойне, и в настоящий момент в радикальной печати все чаще и чаще раздаются тревожные голоса, напоминающие миру о

том, что он находится накануне новой мировой войны.

Кто является главным, непосредственным виновником современных империалистических войн?

Мы знаем, что если капиталистический строй является главной причиной войн, то капиталисты все же не непосредственно организуют эти войны. В действительности, кровавым делом войн непосредственно заведует государство, как военная сила.

Отвратительная звериная сущность государства никогда не обнаруживается в такой откровенной форме во всей своей отталкивающей наготе, как во время войны. Сквозь фальшивые и лицемерные фразы о защите нарушенных нейтралитетов маленьких слабых государств, сквозь лживые призывы к защите демократии и политических прав ярко выступают хищнические аппетиты зверя - государства, стремящегося к расширению своего владычества — к захвату новых территорий и колоний и к увеличению числа своих подданных - рабов. Всегда, во все времена истории государство являлось хищническим предприятием, орудием угнетения народов, отрицанием человеческой свободы и братской солидарности.

Нужно и необходимо, чтобы в каждом городе большом и малом была группа или союз анархистов. Пусть эти группы или союзы будут малые по количеству, пусть они будут составлены хотя бы из трех-четырёх-пяти человек, лишь бы они знали, что такое анархизм, чего хотят анархисты. Пусть все эти группы, союзы и отдельные анархисты присоединяются к Федерации Рабочих Союзов Безвластников для совместной работы. Пусть общими силами поведем борьбу с большевизмом, фашизмом, капитализмом, церковью и делотрудцами (последние бойкотируют «Пробуждение» во всех городах, где нет наших товарищей; пишут письма нашим сотрудникам, чтобы перестали писать статьи для журнала, клеветуют на всю федерацию).

Теперь они предлагают объединение. то интересно знать, если мы таковые, как они уже 10 лет нас называют, то как можно с нами объединяться? Если же мы не таковые, тогда почему они публично не заявят в печати, что они все время лгут?

Поэтому мы еще раз призываем всех анархистов и сочувствующих помочь нам морально и материально, чтобы «Пробуждение» выходило регулярно, ибо оно борется за полную свободу всего человечества.

Секретарь

И. Черный.

Капиталисты и правительство, как правящие классы, составляют государство. Эти классы, благодаря обману и насилию, умело и хитро воспользовались жизнью, свободой и богатствами народов и, поработив их, сделали жизнь тяжелой и часто бессмысленной. Вместо благосостояния и свободного труда, вместо любви и мира, капиталистические государства ввергли народы в нищету, в рабство и в преступные, ничем неоправдываемые войны.

В общей работе обирательства народов государство делится обыкновенно на крупных и мелких бюрократов - чиновников, на разных представителей власти и военщины, всегда вооруженных и прошедших преступную школу милитаризма, и на бога-

тых тузов — капиталистов, своим награбленным золотом помогающих власти еще больше угнетать трудовые массы народа.

Власть посылает на войну полезнейших сынов страны и делает из них калеки и прямых убийц. Она деморализует и развращает человека, убивая в солдате самое высшее и драгоценное — его человеческое достоинство. Власть всегда пользуется преступной целью: «чтобы овладеть душой солдата, надо прежде всего овладеть его телом». Зная это, она подстрекает солдат убивать отца, брата и близких ему людей. Власть посылает свою организованную банду вооруженных солдат — этих профессиональных убийц — истреблять соседа иностранца для того, чтобы способствовать его разорению, подчинить его своей власти, ввести свои торговые и другие законы и разбогатеть на его счет.

Не считаясь ни с нравственным законом, ни с человеческой жизнью, ни с добродетелью, власть насильственным образом заставляет народы истреблять друг друга, безнаказанно проливая невинную человеческую кровь.

Золотой мешок, веками добытый трудовым народом и составляющий собственность капиталистов, всегда нуждался в сильной охране, и на неприкосновенности золотого мешка, на неприкосновенности частной собственности создались все существующие правительства. Их цель всячески карать руку бедняка, тянущегося к золотому мешку, чтобы из него получить и на свою долю кое-какие крохи. Правительства, не стесняясь и совершенно не считаясь с нуждами народа, издают угольные законы, по которым следует наказать всякого, предъявляющего свои права на лучшую жизнь, а потому и существуют судьи, начальники, полиция, войско, тюрьмы и смертная казнь для всех непокорных и недовольных современной, несправедливой жизнью.

Однако, капиталистам всегда мало своих жертв, им нужны новые рабы и новые торговые рынки и колонии. Таковы капиталистические аппетиты, порождающие

колониальные войны. Всегда у капиталистов одной страны есть желание наброситься на владения чужестранных народов и, подобно хищному зверю, они всегда готовы напасть на свою жертву. Для этой цели каждое государство припасло для капиталистов обученную армию солдат, лучшие пушки, сильнейший флот, и благодаря этому, заставляет народ платить побольше податей для нужд своего преступного существования. Все государства — то медленно, то поспешно — непрерывно готовятся к войне, а для войны всегда нужны большие суммы денег.

Кто стоит на точке зрения необходимости и полезности государства, хотя бы наиболее демократического и даже социалистического, тот приходит, в конце концов, логически к мысли о неизбежности войны в некоторых случаях и о невозможности борьбы. Но кто доверяет государству, тот, понятно, постоянно окажется обманутым. Это должны теперь понять все буржуазные нацифисты и социалисты, считающие, что государства могут обеспечить путем бумажных договоров постоянный мир человечеству. Надо также понять, что не может быть постоянного мира при капитализме.

Банкротство надежды мирно настроенной части буржуазии и некоторых социалистов на культурную и цивилизаторскую миссию государств и их дипломатов, обнаруживается в настоящий момент в слишком яркой форме. Смешно теперь говорить о международном арбитраже, т. е. о мирном разбирательстве военных конфликтов между государствами. Смешно также возлагать надежду на Лигу Наций — это полугумерное учреждение, подобно тому, как смешно возлагать борьбу против войны на самого организатора всех войн — на государство. Подобные стремления — только утопические иллюзии, ибо решения международного суда будут признаваться воюющими государствами постольку, поскольку они не будут противоречить их хищническим интересам, или только в незначительных случаях, и даже чаще всего тог-

да, когда уже после войны придется узаконить грабительские приобретения победителей. Ведь война для капиталистов — чисто торговая сделка, где они мало чем рискуют и всегда почти находятся в выигрыше от войны. Война для капиталистов равна золотой жатве, приносящей им всегда обильные плоды.

Но война для народов есть самое худшее зло, от которого они больше всех страдают. Они несут неисчислимые жертвы, истекают кровью и ничем не вознаграждаются. Их общее положение не улучшается, если даже «их страна» выигрывает войну. В выигрыше всегда остаются только капиталисты и власть имущие: они несут мало жертв и собирают лучшие плоды.

Война это смерть народного духа, гибель творческих народных организаций; война это торжество реакционного государственного начала. Всякая война это бессознательное самоубийство народов ради интересов капиталистов и государства, ибо только последние извлекают для себя пользу из войны.

Война — чудовищное антижизненное явление. Война истощает народы экономически, физически и духовно. Она пробуждает зверские хищнические инстинкты, низводящие человека до степени животного. Война вызывает, с одной стороны, материальное истощение, умственное отупение и моральное падение значительной части человечества, а с другой стороны, — огромное усиление реакционных сил, жестокую эксплуатацию поработленного труда и торжество насильственной государственной власти.

Отсюда возникает необходимость в борьбе против войны, необходимость в анти-милитаристической пропаганде. Такая пропаганда должна вестись всеми миролюбивыми людьми, всеми прогрессивными и радикальными рабочими организациями и, в особенности, анархистами. Никто так не жаждет свободы и мира на земле, как именно анархисты. В то время, как политиканствующие социалисты, не считаясь с традициями и принципами своей партии, во

время войны защищают национально-политические интересы капиталистических государств: в то время, как властвующая коммунистическая партия в СССР, насаждая «советский патриотизм», создала сильную многомиллионную армию, готовую защищать «социалистическое отечество», — словом, в то время, как социалисты и коммунисты, борясь против войны, в действительности являются милитаристами, анархисты совершенно не заинтересованы в защите государства и войны, а наоборот, являясь ярыми противниками власти милитаризма, стремятся к их уничтожению: анархисты — самые последовательные анти-милитаристы, т. е. противники всякой войны.

Анархисты всесторонне решительно против всяких войн между народами, и даже в нейтральных странах, как, например, в Америке, где государства стараются по тем или иным причинам вовлечь народы в войну, они выступали, выступают и всегда будут выступать энергично против войны. Анархисты признают только один род войны за свободу: это война, которую ведут во всех странах мира угнетенные против угнетателей.

Но борьба против войны и милитаризма не может ограничиваться одной только словесной пропагандой. Борьба должна быть действительной и организованной. Необходимо, прежде всего, чтобы каждый сознательный рабочий отказался быть солдатом или вообще исполнять военные функции, под каким бы видом или предлогом от него это не требовали. Личному, индивидуальному примеру передовых и сознательных противников войны научут, несомненно, подражать и более широкие, многочисленные слои трудового народа, и отказ от воинской повинности станет массовым явлением. Необходимо широко проповедывать среди всех трудящихся идеи мирного сотрудничества и братской солидарности, призывая их к активному отказу в изготовлении и перевозке военной амуниции. Необходимо также отказываться от внесения каких бы то ни было валога, большая часть которых идет

Ко всем анархическим организациям и отдельным товарищам

Дорогие товарищи!

Анархизм вырос в стройную социальную доктрину и, как вполне зрелое учение, он стремится к практическому осуществлению своих основных идей. Последние десятилетия должны быть отмечены в истории анархического движения, как период неустанный искания реальной базы для построения анархического общества.

В результате этих исканий анархизм вполне подошел к массовым движениям трудящихся: синдикализму (Баррет, Пато, Пуже и др.), и кооперации (Ландауэр), пытаясь опереться на синдикаты и кооперативы в своей борьбе за лучшее будущее.

Тенденция к сближению анархизма и синдикализма выявилась довольно сильно и привела к мировой анархо-синдикалист-

на содержание армии, флота и вообще ведение войн. И только стоя на точке зрения полного отрицания государственного начала, только признавая самое существование государства во всех его формах губительным для народных масс можно с полной последовательностью выставить лозунг: война войне!

Война — это порождение капитала и власти. До тех пор, пока будет существовать государственно-капиталистический строй, до тех пор будет существовать милитаризм и, следовательно, война. Только отдавая себе ясное представление в этом, трудовой народ сможет вести серьезную борьбу против войны. Правильно избранный путь против войны заключается, несомненно, в борьбе против главного организатора войны — против государства. Только уничтожение государства делает возможной мирную братскую жизнь народов. Только уничтожение государства и капитализма означает прекращение войн и эксплуатацию человека человеком. И только осуществление анархизма сможет обеспечить человечеству мир, свободу и счастье!

Л. Липоткин.

ской работе. Отношение анархистов к синдикализму вылилось в определенные формы.

Попытка сочетать анархическую работу с кооперацией, предпринятая т. Ландауэром, не привлекла к себе внимание и заглохла. Взгляды анархистов на кооперацию до сего времени не определились и можно утверждать, что анархисты и по сие время не имеют точно определенного суждения о кооперации.

Между тем, потребность установить наше отношение к кооперации чувствуется все более и более. Особенно резко это чувствуется русскими анархистами, которые в процессе русской революции и не могли пройти мимо кооперативного движения. И многие из них (в том числе и П. Кропоткин), принуждены были признавать кооперацию одним из серьезнейших факторов в борьбе за анархизм. Повидимому, и товарищи других стран найдут, что настала пора осветить этот вопрос и занять по отношению к кооперации определенные позиции; по крайней мере «L'adunata dei refrattari» выдвигает в числе вопросов, подлежащих обсуждению на будущем Международном Анархическом Конгрессе, вопрос о кооперации и высказывается за необходимость широкой дискуссии по этому поводу.

Поэтому, в целях выяснения отношения анархистов к кооперации, я решил организовать анкетный опрос отдельных товарищей, а если возможно, и анархических организаций.

Предварительно считаю необходимым высказать свою точку зрения.

По своим организационным принципам (массовое творчество, признание за личностью приоритета над материальными ценностями, добровольность участия, договорное право, отсутствие властических начал, целевой принцип, взаимопомощь и пр.) кооперация безусловно анархична и вполне соответствует анархическому обществу. Кооперативный идеал в основе своей совпадает с анархическим. Только

этим и можно объяснить, что основоположники кооперации — Р. Оуэн и Ш. Фурье — в своих попытках практически осуществить идеи кооперации создали общественные ячейки (Нью-Гармонийская община, Висконсинская Фалага и др.) чисто анархического типа. Точно так же основоположники анархизма — П. Ж. Прудон, П. Кропоткин — рисуя ячейки будущего свободного общества, в главном придают им организационные формы, присущие кооперации.

По своей сути и содержанию кооперация обслуживает и защищает интересы низших социальных групп населения, ее стремления направлены к разрушению капитализма и замене его социальным строем, более отвечающим интересам трудящихся.

В борьбе с капитализмом она вынуждена прибегать к тем же способам, какими пользуется капитализм, в частности, к наемному труду. Это многие анархисты ставят ей в упрек. Но применение наемного труда в кооперации в условиях капиталистического строя является неизбежным злом, от которого не свободны и другие организации трудящихся, в том числе революционные синдикаты. Социальная революция должна устранив этот недостаток.

Подходя к оценке современной кооперации, анархисты рассматривали ее весьма различно. Так, Х. Корнелиссен, характеризуя ее с отрицательной стороны, не видит в ней ничего общего с анархизмом. Э. Реклю считает, что кооперативное движение является для анархистов хорошей школой практики взаимопомощи, но предостерегает от увлечения кооперативной работой. Другие анархисты склонны расценивать кооперацию, как школу для подготовки во всех отношениях работников будущего общества. П. Кропоткин рассматривает кооперативное движение, как одно из средств для достижения анархического идеала. И, наконец, П. Ж. Прудон со своим прожектом Народного Банка признает кооперацию как бы целью. Отсюда видно, насколько велика амплитуда

колебаний в оценке анархистами кооперации.

Я со своей стороны полагаю, что кооперация — не только школа и средство для достижения анархизма, но — по своим организационным положениям — и прообраз вольного общежития и его возможная ячейка. Действительно, изучение развития общественной жизни приводит к выводу, что новое общество, как бы велика ни была разрушительная сила революции, всегда базируется на некоторых ячейках, существовавших в прошлом, доказавших свою жизнеспособность и соответствующих потребностям нового общества.

Кооперация, ведущая свое начало из седой древности, оказавшаяся жизнеспособной при всех условиях, несомненно способна стать такой ячейкой грядущего строя, поскольку его формы в общих чертах намечаются анархизмом.

Вопрос о том, нужно ли анархистам работать в кооперации, опять таки решается различно. Противники кооперации обычно выдвигают против участия и активной деятельности в ней мотив, что кооперация отрывает своих участников от революционной деятельности. Но подобное возражение в равной степени относится ко всякой практической деятельности и не может считаться достаточно серьезным. Всякие иные взгляды на кооперацию предполагают возможность участия в кооперативном движении.

В таком случае возможны две постановки вопроса: пассивное участие — членство и активная работа — деятельность, направляющая жизнь и развитие кооператива.

Я являюсь сторонником последней точки зрения. Активная работа в кооперации не должна приносить элементов, чуждых кооперативному идеалу. Анархист, активно работающий в кооперации, должен ставить своей целью максимально возможное в условиях данного момента, развитие и углубление кооперативного (анархического) идеала: поднятие морального уровня членов, усиление активност-

АНАРХИСТЫ И ПРЕССА

Как смотрим мы на анархические органы, на партийную печать? — Может ли быть у анархистов газета, которая бы считалась органом всей партии и официальным выразителем ее мнений? Очевидно, нет. Газете приходится заниматься не

иических начал в кооперативе, в частности, замена выборности очередностью или таким либо другим принципом, возможная замена наемного труда добровольно-членским, отказ от дивидендов; борьба с налогами, организация производства на основе потребления, развитие производительных сил района деятельности кооператива, организация местного рынка и внутри-кооперативного товарообмена и так далее.

Выяснить оценку кооперации современными анархистами должна анкета.

АНКЕТА

1. Каково ваше отношение к современной кооперации (положительное, нейтральное или отрицательное?)

2. Анархична ли кооперация по своим организационным принципам?

3. Совпадает ли кооперативный идеал с анархическим?

4. Является ли кооперация прообразом или возможной ячейкой анархического общества?

5. Как рассматривать кооперацию (как школу, или как средство для осуществления анархизма, как легальную возможность для анархической работы, как цель?).

6. Нужно ли работать в кооперации?

7. Как вести кооперативную работу и какие задачи должны ставить себе анархисты, работающие в кооперации?

И. Х.

только вопросами, на которых все товарищи сходятся, но и такими, в которых существуют разногласия. В централизованных партиях, дело решается просто: орган находится в руках большинства и выражает его мнение, меньшинство же должно молчать. Для нас такое решение, разумеется, невозможно; мы поэтому категорически отказываемся от всякой мысли об официальном органе.

Газета — выражение мысли той группы, которая ее издает; своим органом ее могут считать только те, кто с нею согласен. Группы или товарищи, несогласные или просто смотрящие иначе на задачи газеты, могут издавать другой орган, и от этого между обоими изданиями не происходит никакой вражды. В централизованных партиях, если меньшинство создает свой орган, то именно всегда против большинства. Этим оно вносит вражду в партию. У нас могут существовать рядом десятки органов, насколько не нарушая токариских отношений групп. Вот почему ни одна анархическая газета не считает себя выразительницей мнений всех анархистов; не претендуя на это, она и не может зато обещать печатать статьи всех оттенков анархизма.

Она служит программе и оттенку мысли своей группы и тех, кто согласен с нею.

— Эти несколько замечаний о газете нужны для русских читателей потому, что у нас еще не успели привыкнуть к такому складу анархической прессы и понятие об официальных партийных органах сидит еще глубоко.

..

М. КОРН.

ОТКРЫТКА СТАЛИНУ

(Написана специально для «Пробуждения»)

Самовластный злодей,
Диктатор красный и палач!
Я слышу вопль и стон детей,
И скорбный тихий женский плач.
Я на твоей скуластой роже
Печать проклятия читаю,
И, чем грозней ты и чем строже,
Твоей я смерти ожидаю!!!
Народ клянет тебя и стонет,
Под красной лапой — палача.
Придет момент и он все вскроет,
Разгонит вашу власть слепча...
Ты—ужас всем и мразь-природы!
Убил свободу на земле...
И ненавидят все народы
Подвластные, палач, тебя!
Проснется воля — гнев народа,
Подымет бунт и все сметет.
Придет желанная свобода!
Народ момента только ждет.
Твой труп собакам на сечение,
Народ России в гнев даст...

Разрушит ваши насаждения,
Огню, мечу он их предаст...
А мавзолее у стен кремлевских,
Эмблему вашей лжи и зла,
Останки гнили Хлестаковской,
Народ сожжет тогда до тла!..
Свободным детям он расскажет,
Что Ленин был—порок и зло...
И место лобное укажет,
И гнев народа был за что...
Эпоху Сталина заденет,
Как результат его идей,
И в память трауром оденет,
О мрачных днях себя, детей...
Наступит воля и покой.
Народ восставший их добьется.
То анархизма вольный строй,
В боях и битвах он куется!

Александр Черняков.

Монтевидео,

5-го июля 1935 г.

НОВАЯ КНИГА

Вышла из печати и поступила в продажу книга Минского Мужика: «Что я видел в Советской России?» Цена с пересылкой 1 долл. 15 цент.

В книжном складе Федерации Рабочих Союзов Безвластников есть много других книг и брошюр. Заказы направляйте по адресу: «Пробуждения».

- Д. ГИЛЬОМ — Карл Маркс и Интернационал 10 с.
М. НЕТТЛАУ — Жизнь и деятельность М. Бакунина 10 с.
Дж. БАРРЭТТ — Анархическая Революция 35 с.
Д. ГИЛЬОМ — Интернационал 50 с.
М. НЕТТЛАУ — Цели и методы анархизма 10 с.
ПЕСНИ ТРУДА. — Сборник революционных песен и стихов 10 с.
Э. ПУЖЕ — Основы синдикализма 15 с.
П. РОВЭН, Ф. Ньювенгус — Свободное трудовое воспитание 15 с.
М. КОРН — Революционный синдикализм и анархизм 10 с.
Н. ЛЕБЕДЕВ — Э. Реклю, как человек, ученый и мыслитель 10 с.
А. БОРОВОЙ — Личность и общество в РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и анархизм.
Доклады и заключения 1906 г. 10 с.

- Э. ГОЛЬДМАН — Анархизм 10 в.
Б. ЯРЧУК — Кронштадт в Русской Революции 15 с.
М. БАКУНИН — Избранные Сочинения 25 с.
М. БАКУНИН — Полное сочинение в 5 томах 2,50 с.
Д. МАККАЙ — Анархисты 50 с.
Л. ЧЕРНЫЙ — Ассоциационный анархизм 75 с.
А. ГОРЕЛИК — Анархисты в Русской революции 10 с.
В. ЭПХЕНБАУМ (Волли) — Стихотворения 60 с.
П. КРОПОТКИН — Взаимная помощь, как фактор эволюции 25 с.
——— Этика 75 с.
——— Поля, фабрики и мастерские 75 с.
——— Анархия 10 с.

**ОТЧЕТ ФЕДЕРАЦИИ РАБОЧИХ СОЮЗОВ БЕЗВЛАСТНИКОВ от 20 ИЮЛЯ ПО 8-е
ДЕКАБРЯ 1935 г.**

ЗА «ПРОБУЖДЕНИЕ»

Филадельфия, Группа «Пробуждение»	11.50
Кливланд, С. Борков	5.00
Нью Йорк, К. Д. Свободы	7.00
Гери, Н. Гвай	4.00
Нью Гейвен, И. Кривошей	3.90
Интлвуд, С. Дубас	4.00
Виндзор, Р. С. Самообразование	7.50
Торонто, Гр. Демьяненко	5.00
Бостон, С. Разуменко	3.00
Нью Кестл, М. Осипук	3.00
Эмбридж, П. Руль	2.25
Бруклин, Б. Войтович	2.30
Ст.-Луис, Ф. Лукьянчук	1.00
Аргентина, А. Куница	2.00
Канада, С. Филиппов	1.00

Всего 62.45.

ПО ПОДПИСНЫМ ЛИСТАМ

Виндзор, Р. С. Самообразование, подписной лист номер 26 — 7.50; Торонто, Гр. Демьяненко, подписной лист номер 27 — 4.75; Бруклин, Б. Войтович, подписной лист номер 31 — 1.50; Нью Кестл, М. Осипук, подписной лист — 3.00. Всего — 16.75.

.. ДОБРОВОЛЬНЫЙ ФОНД:

Нью Йорк, К. Д. Свободы	10.00;
Бронкс, Б. Гершенфельд	5.00
Ленсинг, Н. Иванов	2.50
Канада, И. Гончарук	3.00
Канада, П. Якушин	2.25
Кливланд, В. Марч	2.00
Канада, Т. Мартынюк	1.00
Вотербури, В. Арсенюк	4.00
Либерти, Г. Сыч	3.00

Сан-Франциско, П. Логинов	2.00
Канада, М. Северный	2.00
Канада, К. К. Дзюбын	1.00
Шенадоа, В. Яшук	1.50
Ниагара Фолс, Р. Маловичко	1.00
Ватертовн, И. Смит	2.00
Всего	42.25.

ДЕТРОИТ ЗА ВСЕ:

Профсоюз из кассы	23.00
За «Пробуждение»	13.80
От розыгрыша книг	8.90
За книги Наживина	13.50
М. Кушп	0.50
И. Соколович	1.00
А. Денисов	1.00

Всего 61.70.

РАСХОД:

Издание журнала	123.50
Почтовые расходы	29.71
Перевод статей	15.50
Вyslано тов. М. Н.	5.00.

Итого 173.71.

Остается в кассе 9.44.

Старый дефицит 85.96

Еще остается дефициту 76.52.

КОМИССИЯ:

**Т. Шумович
И. Федоришен.**

Поступила в продажу новая книга
«Русская революция на Украине»
Н. Махно. В ней 216 стр. Цена книги с
перепл. 65 центов. Заказы направляйте
по адресу «Пробуждения».

Открыта подписка НА ЖУРНАЛ ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган Федерации Рабочих Союзов Безвластников
Соединенных Штатов и Канады.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

“PROBUZHDENIE”

9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает читателя с журналом, как различные сообщения с мест о том, что происходит на фабриках, в шахтах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия “Пробуждения” просит поэтому товарищей присылать нам краткие сообщения, заметки и корреспонденции об анархическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содействия по распространению журнала, подысканию новых подписчиков, и об оказании ему вашей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке журнал сможет выходить регулярно, и выполнять возложенную на него миссию распространения безвластнических идей свободы и международного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.